

ELLEN FALLEN

ЭЛЛЕН ФОЛЛЕН

Одержим
ТОБОЙ

Эллен Фоллен
Одержим тобой

«Ellen Fallen»

2018

Фоллен Э.

Одержим тобой / Э. Фоллен — «Ellen Fallen», 2018

Кажется, что одержимость ею только укореняется во мне, крепко прорастая под кожу своими корнями, сплетается с прожилками вен. Несмотря на то, что она уже не принадлежит мне, я все еще люблю ее. Как я могу запретить себе наблюдать за ней хотя бы со стороны? Я сошел с ума? Уже потерял ее? Я бы не торопился с такими выводами.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ellen Fallen

Одержим тобой

Пролог

Монотонный стук в голове, боль, сухость во рту и озноб. Я очень надеюсь, что меня не вывернет наизнанку после ночных забав. Сколько я вчера выпила? Я помню первые три коктейля, потом кто-то из девочек крикнул: «Абсент!», а дальше эйфория.

Под визг и общие крики я влила в себя пару стопок. То, что произошло после, уже история... Танцы с парнями, искаженные от смеха и выпитого лица девчонок. Потом, кажется, шатаясь, я пошла к бару, чтобы охладиться, и я помню, что видела чей-то злой взгляд, то, как он испепелял меня, прожигал и уничтожал. Доусон? Нет... С нами давно покончено. То, что случилось однажды, больше не повторится! Отношения себя изжили, расстояние и прошлое забыто. Да и вообще, я больше никогда не выйду замуж! Никогда!

Слегка шевелюсь, кажется, я на мягкой кровати, обхватываю божественно пахнущую подушку. Похоже, я в доме мужчины, сладко улыбаюсь своим мыслям. Наконец-то я сделала это! Переспала с другим! Господи, Аллилуйя, Хвала небесам, Аминь. Я уж думала, что мое интимное место никогда не отряхнетя от пыли, которой она покрылась за время воздержания после обретения свободы. Те случаи с Доусоном не в счёт!

Украдкой проверяю своё дыхание и морщусь от запаха, исходящего от меня. Надо бы закрепить материал, но, похоже, уже после душа! Очень осторожно переворачиваюсь и оказываюсь нос к носу с ним.

– Твою ж мать! – ору я так громко, что звенят стекла в окнах. – Да что же это за проклятье?!

Соскакиваю с кровати, не сразу понимаю, что стою перед ним совершенно голая.

– О, Боже! Закрой глаза! – визжу я. – Да не смотри ты!

С нетерпением сдёргиваю с него простыню и пищу от возмущения. Абсолютно голое тело Доусона, его возбужденный член, и я зажимаю глаза.

– Ты голый, я голая... Этого просто не может быть! Мы снова переспали...

Обматываю своё тело простыней, кидаю в него подушкой, чтобы он прикрыл своё достоинство.

– И что тебя в этом смущает? – Доусон вопросительно поднимает брови, едва сдерживает свои губы, растекающиеся в улыбке. – Ты в моей постели, очевидно, что ты должна быть голой, как и я.

– Почему это происходит? Каждый раз одно и то же! Я иду отдыхать, пью, танцую с мужчинами, а просыпаюсь с тобой! ОПЯТЬ! – буквально ору, рассекая руками воздух.

– Так может стоит попробовать на трезвую голову? А вдруг понравится. Вспомним, когда нам было по девятнадцать, смогаемся в Вегас, – отвечает он лениво. – И, кстати, я – мужчина, так что твоя закономерность соблюдена.

Прищуриваю глаза и подозрительно смотрю на него.

– Ты ведь преследуешь меня, так? У тебя есть какой-то план?! Мы больше не вместе! И мы просто друзья! Понял?!

Собираю свои вещи с пола, под невозмутимый взгляд моего бывшего мужа. Шарю рукой под кроватью, пришлось встать на колени прямо перед Доусоном, просовываю голову в небольшой промежуток, ничего не видно.

– Ты случайно не это ищешь? – раздаётся голос над моей головой.

Поднимаю свой взгляд и вижу трусики, висящие на его указательном пальце. Едва протягиваю руку, как они исчезают в его зажатом кулаке.

– Оп, и их нет, – усмехается он. – Элли, прекращай заниматься ерундой. Давай спать дальше, потом позже разберемся, кто кого соблазнил.

Доусон лениво переворачивается на бок, прячет мои трусики под своей щекой и довольно спит. Наклоняюсь над ним и пытаюсь зацепить кусочек ткани.

– Эл, я сплю, и ты спишь. Не хочешь со мной? В любом случае, мы на сегодня закончили... Так что можешь спать на диване. Ключ я спрятал, окна – не вариант, ты разобьёшься. Поэтому просто успокойся и ложись, – говорит он, закрывает глаза и зевает, широко раскрывая рот.

Обхожу с другой стороны и выдёргиваю из-под него подушку.

– Ты ненормальный! – кричу я и бью ладонью несколько раз его по плечу. – Придурок.

Смех Доусона все ещё преследует меня, когда, запутавшись в простыне спотыкаюсь, сердито поправляю ее в ногах.

Бег по замкнутому кругу. Почему каждый раз это происходит с нами?!

Укладываю свое тело на неудобный диван, подбиваю подушку, чтобы она приняла форму необходимую для сна. Переворачиваюсь с боку на бок, едва устраиваюсь, как диван подо мной начинает двигаться, разъезжаясь в стороны. Хватаюсь за спинку, пока он полностью не раскладывается. Теплое тело Доусона прижимается ко мне сзади, в наглуую стягивая мою простыню, и укрывает свое тело.

– А ну быстро возвращайся на свою кровать, мы в разводе. Это не может бесконечно продолжаться. Я не буду больше заниматься с тобой сексом! – бурчу я, откидываю его руку с талии, когда он прижимает меня с силой к себе.

Его дыхание шевелит волосы на моей шее, он довольно мурлычет, словно кот.

– Я буду спать там, где посчитаю нужным. А ты будешь рядом, потому что я так хочу, – говорит Доусон, и я задерживаю дыхание, когда он целует меня в голое плечо. – Я люблю эти моменты, не разрушай то, что кажется таким правильным. Разрушить все легко, а собрать кирпичики снова, чтобы построить, намного сложнее.

– У нас уже не получилось, и ты знаешь не хуже меня, что все эти твои бестолковые действия только усугубляют и без того шаткое положение.

Зажмуриваю глаза, от нахлынувших чувств, я помню все связанное с ним.

– Меня это мало волнует, – отвечает он и плотнее прижимает меня своей рукой, которая покоится на моей груди. – Пока ты разрушаешь, я собираю.

Не знаю, как он все собирает, если пропасть, между нами, на утро увеличивается. Я не могу двигаться дальше только потому, что однажды мы были влюблены друг в друга до безумия. Ранний брак, затем такой же быстрый развод. Остаться друзьями – единственное, что мы смогли сделать, потому что существовать вместе мы не умеем. Постоянно убеждаю себя, что мы ничего друг для друга не значим. Я обещаю себе, что это в последний раз, когда, прижавшись к нему, я чувствую себя такой умиротворенной, когда каждая частичка моего тела говорит о правильности выбора человека, находящегося рядом. Потому что это временно, и мы оба об этом знаем.

Глава 1

Доусон

Наши отношения с Эллисон начались сумбурно и страстно. По понятным причинам я был очарован юной красавицей с миндалевидными зелено-кариими глазами. Она стояла, тогда облокотившись на маленький заборчик и смотрела, как солнце заходит за горизонт, а я и не представлял себе, что тот вечер закончится для нас двоих первым поцелуем. Я сжимал ее ладони и чувствовал некую космическую связь между нами. Будто на нас снизошло озарение, вот они – мы, созданные друг для друга.

Я был впечатлён её очаровательной улыбкой, стройным юным телом, острым язычком и наглыми действиями. Именно она подалась вперед и запечатлела меня мгновенно и, возможно, навсегда своими сладкими губами. После мы много раз повторяли этот трюк с поцелуями под огромной луной, которая освещала нам дорогу друг к другу. Я влачил за ней свое тело день ото дня, катал на качелях, скрепленных цепями, стаптывал обувь в надежде на мимолетную встречу. Своим отупевшим умом я не понимал, что эта подростковая страсть не может развиться до бесконечных масштабов. Вернее, мы не сможем поддержать этот огонь. И все же я надеялся не расставаться с ней ни на минуту в дальнейшем. Но судьба распорядилась по-своему.

Практически, погружаясь в сон, я слышал ее чарующий голос, стряхивал с себя наваждение в мыслях, что мне почудилось, будто она снова рядом, и так было всегда. Роман, который сжигал нас дотла, изводил и мучил, казалось, должен прийти к своему логическому завершению. Но мы вновь и вновь дули на тлеющие угли, разжигая наши чувства, постоянно сходились, чтобы снова расстаться. Когда она уходила, я бежал за ней, останавливал, умолял, добивался ее всеми способами.

И как итог, мы стали друг у друга первыми. Космос и звезды по сравнению с нашим сексом – ничто. Мы погружались в эту пучину не боясь утонуть, не могли насытиться временем, отведенным для нас двоих. Хватались за секунды, проведенные вместе с особым остервенением. Я забывал поесть после занятий, и пару раз чуть не упал в обморок от истощения. Все усугублялось нашей тоской друг по другу.

Так что Вегас стал последней жирной точкой на нашей карте судьбы, едва мы закончили школу. Несколько лет в браке, тонны битой посуды, изуродованные моими кулаками гипсокартонные стены, вырванные дверные ручки, парочка поломанных кроватей, после бурных примирений, и разорванные в хлам нервные клетки. Столько слез и боли не переживал ни один из наших друзей, родственников и даже соседей. Казалось, что мы изводили друг друга намеренно, рвали свои отношения на мелкие лоскуты, стремились выстрадать их, вместо того чтобы наслаждаться. Родители старались не лезть в наши пылкие чувства, чтобы не стать причиной ненависти с обеих сторон, жалели нас и успокаивали.

По мере взросления мы менялись, я стал упорней и ревнивей, она наглей и проворней. Мы сражались насмерть, чтобы однажды расстаться, подать на развод и разойтись по разные стороны, устроить свои жизни и не душить друг друга.

Вот, что мы сделали.

Я пытался...

Видит Бог, я старался изменить себя, свою дурацкую ревность и одержимость этой девушкой, тормозить каждый раз, когда к ней подходили другие мужчины. Но это было невозможно – сдерживать свои эмоции, когда урод трогает ее волосы, и она улыбается в ответ. Или наблюдать, как ее длинные пальцы порхают по сенсорному экрану, отвечая на сообщения какому-то ублюдку...

Я не мог ничего с собой поделывать. Кажется, я был слишком молод для такого серьезного шага, как брак. Чего ждать от бестолкового парня, впервые теряющего свою любовь, до конца еще не убедившегося, что она принадлежит ему? Болезненный развод спустя, в общей сложности, одиннадцать лет отношений, как приговор. Недели молчания, я отказывался подписывать бумаги, она же, наоборот, настаивала на этом.

Мои чувства разбились о реальность бытия, а душу размозило о кирпичную стену непонимания. И я отпустил ее. Оставил всякие попытки на некоторое время, чтобы успокоиться и дать возможность Эллисон выдохнуть. С тех пор прошел год, и она больше не могла использовать свои сбережения на съём жилья, ходить по салонам и, в то же время, помогать родителям. Финансов катастрофически перестало хватать, а официант – это не профессия для двадцатипятилетней девушки. Я знал ее, как самого себя, она бы ни за что не вернулась домой, тем более, поджав хвост. У нее был вариант пойти работать в один из клубов, хотя профессии как таковой нет, но мне она была нужнее. Ее увлечённость йогой, а также абсолютное неумение правильно распределять свои силы помогли мне и в этом.

Я предложил ей работу в своем фитнес-центре именно в тот момент, когда почувствовал, что она готова двинуться дальше. И пусть это мерзко, но я точно знал, что ее никуда не примут на работу. Не потому, что я всесилен, нет, конечно. Просто у меня были связи со многими спортивными клубами. Парни знали нашу историю и поддержали меня, как и я их в свое время. Они подтолкнули мою бывшую жену ко мне, преподнесли на блюдечке с голубой каёмочкой, словно мою любимую конфетку.

Зажмуриваю глаза и массирую изрядно наболевшие виски, нервная неделька выдалась, и тут еще я с этими дурацкими воспоминаниями. К чему ворошить прошлое? Мы ведь научились работать вместе, выработали правило «не нарывайся», и теперь все более или менее понятно с нами. Я же не оставляю попытки и боюсь, что это уже константа. Конечно, не наседаю по полной, но случаи разные бывают. По-своему давление, от того, что она может работать только со мной, не очень хорошо сказывается на наших отношениях.

Эллисон уезжала на несколько дней к своим родителям в пригород Сиднея. Могу отметить у себя положительные сдвиги – я не звонил ей постоянно. Парочка сообщений с предложением потусить или какие-то рабочие моменты, не более. Все было в рамках приличия. Вот и сейчас я кручу в руках телефон, может от этого у меня и мигрень? Желание позвонить ей делает из меня психопата, зацикленного на квадратной металлической коробке, зажатой в моих пальцах.

Сегодня тот самый день, когда она должна вернуться в фитнес-центр, моя борьба с собой и всеми начнет набирать еще большие обороты, чем прежде. Пальцами сжимаю дурацкий смартфон и прикладываю его ко лбу. Силой мысли пытаюсь сделать так, чтобы она наконец-то соизволила набрать меня. Сказать свое гребаное «привет». Кладу его с силой на стол и шумно встаю со стула, становлюсь напротив окна, засовываю руки в карманы брюк. Панорамные окна, выходящие на центр шумного города, снующие люди и машины – этот вид еще больше раздражает меня. Мои ноги, словно связаны невидимой веревкой, и мне так надоело притворяться, делать вид, что я двигаюсь вперед. Это больше похоже на болото, в которое засасывает меня все сильнее.

– Привет, малыш, – говорит Ханна – моя нынешняя помощница, помешанная на времени.

Как доктор прописал, смотрю на часы, и приветствую её дежурной улыбкой, приклеенной к моим губам.

– Забрала твою спортивную форму, как ты и просил. Химчистка открылась немного позже, поэтому я вынуждена тебя опечалить.

– Спасибо, детка, – отвечаю я и сжимаю её хрупкие плечики в знак поддержки.

Удивительно, насколько она красиво изъясняется. Эти слова, произнесенные будто из прошлого века, звучат несколько иначе в наше время.

– Ты сегодня идешь в класс йоги? – спрашиваю ее, потому что она наверняка в курсе, когда приедет мисс «мне по*рен на рабочее время».

– Через час занятие у Саммер, не могу дождаться, когда она снова растянет меня хорошенько, – ответила девушка.

Я бы тоже был не прочь, чтобы меня растянули в определенных местах. Особое место в этой растяжке – тело моей бывшей жены, которую я могу растянуть, распластать и даже распять. Ханна подкрашивает свои губы помадой, пока я пытаюсь закрыть программы, запущенные на компьютере.

– А что? Ты сегодня не ведешь бокс-класс? – интересуется она.

Смотрю на нее исподлобья, моё тело склонено над столом, чертов компьютер, кажется, живет своей жизнью, не иначе.

Отключаю его центральной кнопкой процессора, задерживаюсь на несколько минут. Спортивная сумка лежит около моего стола, беру ее и прохожу мимо Ханны.

– Займись своей работой, а уж чем заняться мне, я сам разберусь, – говорю я, подмигиваю ей и выхожу за дверь. – И сообщи мне, если Эллисон появится в классе.

В светлом коридоре я слышу звуки, доносящиеся из залов, где проходят занятия. Класс танцев располагается прямо над нами, поэтому избежать музыкального сопровождения просто невозможно. Разминаю затекшую шею, от сидения на одном месте моя старая травма начинает напоминать о себе. Спускаюсь по лестнице и нос к носу сталкиваюсь с девушкой, о которой совсем недавно я разговаривал со своей помощницей, вернее выпытывал наличие ее присутствия.

– Привет, – говорит Эллисон, ее длинный хвост, затянутый на макушке, задорно покачивается, пока она пытается удрать от меня.

– А поцеловать? – в наглую заявляю я, надвигаюсь на нее, чтобы получить дружеский мать-его-поцелуй, но я ведь должен довольствоваться малым, как хотела она. – Меня уже немного начинают бесить твои бесконечные опоздания.

Удерживаю ее руку чуть выше локтя и смотрю в зелено-карие глаза, когда две четкие дуги ее бровей удивленно ползут вверх. Она же не думала, что я промолчу?

– Ты сам-то еще даже не переоделся, – усмехается она и пытается выдернуть свою руку. – Отпустишь?

Медленная ухмылка маньяка растекается по моему лицу, она даже не представляет, насколько я близок к тому, чтобы не отпускать ее никогда.

– У меня есть пару минут, – отвечаю я и скрещиваю руки на груди, опираюсь на перила, инстинктивно устраивая свое тело удобней, чтобы быть готовым к любому толчку. – Как твои родители? Мы созванивались на той неделе. Мама говорила, что у нее шум в сердце?

Эллисон сжимает свои губы в линию, она до сих пор надеется, что я перестану быть родным человеком для ее семьи. Однако, я все еще частый гость в их доме. Пусть и ставший на время не родным.

– Так и есть, я поехала к ним, чтобы она спокойно смогла оставить папу и занялась своим здоровьем. Ты же знаешь, что они ... – отвечает Элли, затем опускает взгляд на ступеньки под нашими ногами и морщит нос, некоторое время молчит.

– Неразлучны, да, я знаю, – помогаю ей. – Я заскочу к ним на днях. Может, они в чем-нибудь нуждаются?

Я искренне люблю ее родителей и хочу помочь, но стена, которой она отгородилась, начинает меня раздражать.

– Элли?

Она молчит и все еще стоит с опущенной головой.

– Эллисон?!

Она, наконец, обращает на меня все свое внимание, губы девушки приоткрываются, не мигающий взгляд и раздражение, написанное на ее лице мне знакомо.

– Мы больше не вместе, Доусон. Сколько можно тебе об этом говорить? Прекращай уже делать все эти приятные вещи, они ни к чему.

Она отталкивает мою руку и поднимается по лестнице в свою студию.

Моя грудная клетка тяжело вздымается и опускается. Сколько можно строить из себя недотрогу? Как прекратить эту дурацкую возню? Я так устал от всего этого. Ведь всем известно, мы снова проснемся вместе.

Бью ладонью по деревянным перилам и тяжелым шагом поднимаюсь в совершенно ненужном мне направлении. Ну да, взял вот так просто и опустил ее?! Не дождется. Захожу в студию, девушки оглядываются, я посылаю им улыбку в знак приветствия. Тянусь к двери персональной раздевалки, прикладываю ключ-карту и прохожу в открывшуюся мне дверь. Продвигаюсь внутрь, не обращаю внимания на щелчок закрывшейся за мной двери. Эллисон стоит спиной ко мне, наклонившись вперед, она натягивает лосины на свое практически обнаженное тело. Её аккуратная попка облачена в спортивные трусики с широкой резинкой от Кельвин Кляйн, которые выгодно подчеркивают упругие ягодички. Тихий шум от музыки в ее наушниках позволяет мне какое-то время оставаться незамеченным, чтобы насладиться такими знакомыми очертаниями тела, я практически не шевелюсь, чтобы не спугнуть ее. Затем, совершенно не заботясь о своей безопасности, протягиваю пальцы к ее попке и поправляю трусики, которые немного съехали в сторону.

– Господи, Боже! – кричит она и быстро вытаскивает наушники из ушей, руки прижимает к сердцу, пока я нахально улыбаюсь.

– Я тебе помог, попка могла зажевать трусики, – спокойно произношу я и бросаю перед ней свою спортивную сумку, навалившись на дверной косяк. – Так что ты там говорила по поводу приятных вещей и того, что мы уже не вместе?

– Не надо начинать все сначала, – отвечает Элли.

Она расслабляется и перестает прикрывать свою грудь, спрятанную в спортивный бюстгальтер.

– Так это не я начинаю, разве ты забыла, мы все еще занимаемся сексом.

Она отступает на шаг от меня, когда я тяну за ляжку ее спортивного белья, облизываю нижнюю губу и надвигаюсь на нее.

– Это было давно, и я была пьяной, – говорит она, бьет меня по пальцам и толкает в грудь. – Это была ошибка. Вот уже довольно долгое время каждый из нас занимается своей жизнью.

– Всего-то две недели ты спишь в своей кровати, а не в моей. Да и год в разводе, согласишься, это не так уж и долго? Поэтому давай не будем разбрасываться словами, что все уже давно закончилось.

Она быстро натягивает укороченный топ, и я щелкаю челюстью, когда ее кулак прилетает мне в лицо.

– Извини, я не привыкла одеваться в помещении с мужчиной, – откровенно лжет Элли, и я бросаю на нее укоризненный взгляд. – Тебя здесь слишком много, а места мало, – щебечет плутовка, она специально треснула мне в челюсть, ее изящные штучки уже давно мною изучены. – И забудь о том, что произошло. Мы развелись, и тебе не кажется, что уже не актуально рассуждать о... – она показывает на нас двоих, – нас. Я не собираюсь тебя целовать. И то, что у тебя нет подружки, не говорит о том, что я одинока.

– Ну почему же, у меня есть подружка, – говорю я, прищурился глаза.

Она несколько раз моргает, и я хватаю пальцами локон ее длинного хвоста, тяну на себя и дергаю.

– Успокойся. То, что ты упускаешь такое счастье как я, исправимо. Я тебе в этом помогу. А вот то, что у тебя «тоже есть подружка» – очень тревожный сигнал. Решила сменить ориентацию? Неудачники задолбали?

– Иди к черту, Доусон! – говорит Элли, берет кроссовки и обходит меня, ударяя локтем довольно больно, кстати, прямо по печени. – Между нами огромная яма, огромная пропасть. Всё кончено.

Хватаю ее за талию и разворачиваю к себе лицом, припечатываю к стене спиной и опускаю голову ниже, чтобы быть с ней лицом к лицу.

– Я очень рад, что стоит тебе только выпить... как мы оказываемся в одной постели. Это говорит о том, что у нас ещё все впереди. И если для этого мне придется тебя споить, я это сделаю, поверь. Поняла? А теперь я хочу мой поцелуй! – говорю ей.

Она выпячивает свой упрямый подбородок, быстро целую ее в нежные губы и отталкиваюсь от стены, хватаю свою сумку с пола, делаю несколько шагов вперед. Когда я открываю дверь раздевалки и поворачиваюсь к ней, ее возбужденно-вздуроченный взгляд подтверждает мои догадки. Ничего не кончено.

Глава 2

Эллисон

Я не могу сосредоточиться на первых занимающихся группах, и так происходит каждый раз, как только появляется Доусон. А это уже входит в привычку, он просто не может не перекинуться со мной парочкой слов и невинным, казалось бы, поцелуем до работы. Мы выглядим супружеской или любовной парой, все еще в процессе бурных отношений. Но сегодня он просто пересек черту. Войти в мою раздевалку, учитывая, что только у меня есть индивидуальный ключ, было слишком. Мне давно пора поменять место работы, чтобы не трепать свои оголенные и искрящиеся, словно кабель – нервы. Прохожу ряды женщин за сорок и ей-богу, каждой поправляю гантели. Сколько бы раз я не показывала: «Как именно» – делать выпад они словно развалюхи без тонуса в мышцах, вяло опускают их вниз.

– Так, а теперь прошу внимание, – я знаю, что плохое настроение не должно влиять на них, но это уже невозможно терпеть. – Я еще раз показываю, как именно делать выпад с гантелями, а вы внимательно следите. Иначе то, что находится у вас здесь, девочки, – показываю на внутреннюю часть руки, – обвиснет еще до того, как вы встретитесь с праматерью.

Сгибаю одну ногу в колене, вторую вытягиваю вдоль туловища. Сжимаю в руках гантели и тяну вперед, ровно так, чтобы мои трицепсы вспомнили, что они еще существуют. Девушки повторяют за мной, но одна стоит прямо напротив прозрачной стены и смотрит на парней в бокс классе. Это просто смешно, ведь Доусон не мог выбрать более удобное место. Мой подбородок каменеет, когда она и вовсе опускает гантели, врезаясь взглядом в обнаженного по пояс – Доусона. Он колотит по груше, стоя только в своих серых спортивных штанах. Мышцы его пресса предельно напряжены, черные как смоль волосы свисают сексуально сосульками на лбу, разбрызгивают капельки пота. Я ненавижу его за это, просто невозможно работать. Невозможно отвести от него взгляд, не только им, но и мне! Снова смотрю на мадам, которая наплевала на моё присутствие и это последняя капля.

– Все расслабились. – спокойная внешне, но с клокочущей яростью я подхожу к окну. Доусон мгновенно отвлекается от снаряда, за что получает жесткий удар по корпусу. Хватаю маленькую пластиковую ручку и максимально опускаю нежно-розовые жалюзи. Они застревают ровно на середине, так что теперь кто захочет созерцать мою студию, увидят только наши попы и ноги. Ну и замечательно. Еще несколько минут борюсь с жалюзи, скриплю при этом словно заглистованное животное зубами. Последний раз, силой дернув устройство, слышу характерный хруст. Я сломала конструкцию, что уж говорить, в этом Элли мастер.

Закрываю на минуту глаза и делаю самый голубой вдох из тех, что я делала. Успокоиться и прийти в себя, расслабленно улыбаюсь и открываю глаза. Может со стороны показаться, что я душевно больная и веду монолог сама с собой, но в этом виноват вот тот здоровенный парень напротив.

– Хорошо, продолжим наше занятие, – включаю ритмичную музыку и становлюсь на коврик. – Растрясем жирок, девочки.

Делаю игривые движения бедрами, беру в руки гантели и рассекаю ими воздух, громко отсчитываю, чтобы не сбиться с ритма. Взмахи руками плавно переходят, в растяжку, затем выпады и заканчиваю упражнениями лежа на животе. Мы укрепляем мышцы бедер и спины, изображая лодочку. В отражении я вижу, что у многих она пока не получается. Поэтому встаю и каждому не сумевшему это сделать помогаю.

Размышляю надо тем, что же делали эти женщины все свои годы раз сейчас так сложно поднять ту или иную часть тела, дряблая кожа и атрофированные мышцы, вот чем надо заниматься.

Когда заканчиваются занятия, я практически довольна результатом. Вытираю полотенцем взмокшую шею и лицо, машу всем на прощание и начинаю складывать свой коврик. Вентиляционная система не выдерживает такой наплыв и пять часов череды, потеющих тел. Мои мышцы ноют, нельзя вот так сразу напрягаться, завтра я точно не встану с кровати. Я не очень правильный тренер, ем вредную еду, периодически выпиваю и сплю более десяти часов в сутки. Энергетические коктейли и батончики, заменяют группы упражнений на разные части тела. Я не верю в отказ от всякого рода пищи, это мужчинам надо наращивать массу, нам же приходится ее сушить. Что я, собственно, и делаю – по выходным отчаянно наращиваю, среди недели убиваю на занятиях.

Мне кажется, я постоянно чувствую преследующий меня взгляд Доусона. Оглядываюсь с подозрением на дверь, но она плотно закрыта, стеклянная стена, разделяющая нас, прикрыта сломанными жалюзи. Расслабляюсь и снова обеспокоено смотрю на потолок, какой-то странный шорох и шелчки. Медленно плетусь к жалюзи, едва я подхожу, они с шумом и скрипом падают, разбрасывая по всему залу крепление. Свисают на одной стороне нелепой тряпкой.

– Вот так дела, – тяну я и по привычке начинаю кусать большой палец левой руки, беру ключи от машины, которые я забыла оставить в гардеробной. Встречи с Доусоном вышибают с моей головы все мысли, поглощая своими щупальцами, вживляя себя в меня. Вот и сегодня я какого-то черта притащила с собой ключи...

– Это как надо было психануть, чтобы сорвать жалюзи с петель, – неторопливый шаг дополненный, надменным голосом заставляет меня застыть на месте. – Ты портишь будущее имущество.

Яркая блондинка с длинными, прямыми волосами, губки полненькие бантиком, яркие зеленые глаза, обрамленные наращенными ресницами, большие сиськи...

– Ханна, твоё ли будущее имущество? – тяну я. – Неужто кабинетная крыса, пришла проверить, как у меня обстоят дела?

На работе слишком много обсуждают отношения Доусона и Ханны. Мне по большому счету все равно, бесит только то, что после ее губ, он лезет ко мне. Чувствую себя дешевкой, старой половой тряпкой об которую периодически вытирают ноги. А это стерва бесит меня своими бескомпромиссными заявлениями.

– Доусон, сообщил мне час назад. Я созерцаю масштабы, запишу на твой счет. Не хочу, чтобы кто-то расплачивался за тебя. – ее золотистый, безвкусный блокнот, с металлическими уголками отсвечивает в зеркалах, она облизывает палец и начинает противно листать бумагу.

– Ты можешь сделать это в коридоре, – иду к двери, широко ее распахиваю, удерживаю пока эта кривоногая гусыня доковыляет. Шаркая безобразной обувью, она едва не врезается в косяк, я бы ей помогла, приложиться головой, но не хочу мараться. Если она ударится об стену, я еще и подтолкну. – Быстрее давай, я не в кабинете задницу отсиживала, в отличие от тебя. – Выключаю свет в студии, еще до того, как она доходит.

– Так иди, кто тебя задерживает? Я могу, и сама все закрыть, есть такие полномочия, – она поправляет свои стильные очки в форме «панто», он не мог дать доступ к моей студии этой профурсетке, мы же договаривались. – Доусон очень устал, твоя наглая физиономия все усложнит.

Закрываю дверь, едва она вытаскивает свое амебное тело, сжимаю ключи в кулаке. Вмазать бы ей пару раз, как он меня учил, воспользоваться, наконец, своими знаниями. Ускоряю свой шаг, когда мелькаю перед студией Доусона и боксирующих ребят, кто-то стучит кулаком в стекло. Обычное явление, обожрут своих стероидных анаболиков и потом сходят с ума. Спускаюсь по лесенкам, и выбегаю на улицу.

– Черт возьми, – обхватываю свои плечи руками, я снова забыла переодеться и забрать спортивную сумку с раздевалки. Ладно, и так нормально, главное, что есть ключи, а права в бардачке. Сажусь за руль своей маленькой Митсубиси, оглядываюсь по сторонам. Мотоцикл

Доусона все еще стоит перед входом, лучше отъехать в то время, пока он не вышел из центра. Едва я успеваю повернуть на дорогу, из дверей выходит мой бывший муж в обнимку с Ханной, они улыбаются, Доусон замечает мою машину и машет рукой. Что-то успеваю екнуть в сердце, я и так ему не верю, а тут еще все эти разговоры. Теперь я своими глазами убедилась, что нет дыма без огня. Стоило мне уехать на неделю, он время не теряет. То, что он бежит за мной, скорей инерция. Это как тело петуха, которому отрубили голову, а оно все еще движется. Останавливаюсь у ближайшего кафе и беру две порции гамбургера с картошкой фри, моя голова забита дерьмом по имени Доусон, хочу заесть стресс. Отравить свое тело, чтобы оно не дало сбой. Пока я его не вижу, дико скучаю. Хочется ответить на все его сообщения, встретиться, поговорить. Но эти лживые слова и движения, как он ограняет меня словно я драгоценность, а потом мне рассказывают, как он встречается с секретаршей. Дают друг другу ласковые прозвища и даже обнимаются. И после того, как он лижет ее липкие губы с безвкусной помадой, я собираю остатки с барского стола. Механически ладонью вытираю губы, в которые он меня поцеловал, брезгливо сжимаю губы. Пусть только попробует ко мне прикоснуться, свинья. Подъезжаю к своей квартире, достаю еду и за несколько минут, перепрыгнув парочку пролетов, стучу в дверь. Такое впечатление, что Вит еще не спит. Ненавижу есть в одиночку. Двери открываются, мой брат с взъерошенными волосами, после душа в одних шортах встречает меня.

– Эллисон Дэстени, ты как раз вовремя, поедим все вместе. – он вырывает пакет из моих рук и тащится на кухню, пока я пропускаю мимо ушей его слова. Скидываю свои кроссовки и останавливаюсь около кухонного стола, устало наливаю себе стакан воды с лаймом и имбирем, только потом сажусь за стул и начинаю лениво жевать салатный лист в гамбургере. – Все так хреново? – он подталкивает мне коробку от пиццы, одной рукой приглаживает вихор темных волос на затылке.

– Иногда мне кажется, я не там работаю, он сведет меня с ума. Я попала на сотню баксов, пока дергала жалюзи. Потом его любовница наступала на мое горло, старательно выводила меня из себя. – беру кусочек пиццы и с наслаждением откусываю.

– Не припомню чтобы Доусон рассказывал о новой подружке. Я думал вы ребята просто живете отдельно. И подружкой являешься – ты! – прислушиваюсь к звукам, исходящим из гостиной, подозрительно смотрю на младшего брата. – Что такое? – перестаю жевать, до меня только доходит что я не покупала пиццу.

– Ты же говорил, что еще не нашел работу. Откуда пицца? – убираю недоеденный кусок назад в коробку, поворачиваю к себе надписью. – Блин, только не говори мне что за моей спиной стоит он!

Шорох, и на мои напряженные плечи ложатся знакомые, сильные руки, раздраженно передегиваюсь и ниже опускаю голову.

– Вит был рад меня увидеть, я заранее заказал твою любимую пиццу и поехал короткой дорогой. – Доусон хлопает меня несколько раз по плечам, от чего я ставлю оба локтя на стол и закрываю глаза, утопая в безнадежной ситуации.

– Я не рада тебе, неужели этого недостаточно чтобы оставить меня в покое хотя бы в этом месте? – бурчу я. – У тебя есть своя квартира.

Вит аккуратно пробирается вдоль стены, я вытягиваю руку и удерживаю его. Отцепляет мои пальцы, и все что я слышу – это закрывающаяся за ним дверь. Он не хочет присутствовать при наших ссорах, хватило того, что он уже видел. Это не может быть реальным, покой даже на своей территории – роскошь.

– Я соскучился, – Доусон притягивает ногой стул, который со скрежетом проезжает металлическими ножками по плитке.

– По моему брату я понимаю, намного больше, чем по кому-либо, – беру свой гамбургер и откусываю огромный кусок, не хочу разговаривать с ним. Я могу его выгнать, устроить ему

взбучку, но, к сожалению, знаю, что на его сторону встанет мой младший братец. А затем еще и мои родители, которые беспрестанно говорят мне, что я обязана уважать своего бывшего мужа, и наш развод был детским поступком. Который к их сожалению, до сих пор мучает нас двоих, цепляя еще и их. Мама успела напомнить мне о своем сердце, которое разрывается на части, когда она видит нас двоих несчастными.

– Если ты хочешь пойти куда-нибудь... – произносит он, а я растопыриваю свою пятерню по столу, затем сжимаю ее в кулак. Мой рот все еще до отказа забит, но я делаю еще несколько укусов. Чувствую, как на моих губах остается соус, вытекающий из еды. Если бы можно было убить глазами, то мой бывший муж уже несколько раз погиб, даже если сейчас я больше напоминаю толстощекого хомячка, жадно запикивающего пищу. Живучий засранец, берет кусок пиццы и тоже начинает жевать. Почему он не пошел с этой идиоткой Ханной? Не заказал ей ужин? Не смотрит фильмы или что там он сейчас любит?

– Ладно в моем доме отключили горячую воду, – признается он, тяжело глотая кусок. – После тренировок мне просто необходимо было помыться.

– А что в центре тоже нет воды? – с подозрением смотрю на него. – Ты лучше причины не нашел? – кусок теста вываливается из моего рта, наверняка это выглядит как рвотный рефлекс, но мне глубоко плевать. – Теперь ты еще будешь полоскать свои яйца в моей ванне?! – я возмущена его наглостью.

– Не полоскать, а мыть. Кроме того, не помню, чтобы ты раньше на них жаловалась. – оскорблено отвечает он. – Ты оставила свою сумку, а там твой телефон. Я доверяю нашей системе безопасности. Но знаешь, оставлять личные вещи как-то слишком. Это забота о тебе. Именно поэтому я не воспользовался душем в центре, торопился к тебе!

Я не успеваю колко ответить ему, как открывается дверь в спальне моего брата и он, громко шлепая, подходит к нам.

– ССС на лицо. – он с восторгом откусывает кусок пиццы, явно наслаждается своим новым придуманным высказыванием. – Мама тоже каждый раз перед походом в бассейн, покупает парочку сланцев. Видимо, для того чтобы оставить их там. Старческий семейный симбиоз, – резюмирует он, за что получает кулаком в ляжку. – Вот скажи мне, что последнее он сделал для тебя, м? Кого он спас и привез домой? – Меня, отвечаю я про себя! Вит шелкает меня по носу, довольно улыбается. – Ты верно подумала. Он заботится о тебе. Мало ли что могло случиться, если бы он оставил тебя одну – пьяную!

Я закатываю глаза, отбрасываю половину не доеденной еды, прямо в общую коробку, отчего оба парня кривятся. Не собираюсь слушать их и сидеть с ними за одним столом. Иногда мне кажется все против меня, даже Вселенная, пославшая моего дурацкого брата. Они стучатся кулаками, словно родные.

– Я вполне справилась бы без телефона, поэтому не надо раздувать огромную катастрофу. А теперь я отправляюсь спать, чтобы твоей ноги не было дома, – показываю на Доусона. – А ты будь добр вернись домой не пьяным в стельку, чтобы смог за собой закрыть двери. Иначе я тебя выселю.

Мой брат смотрит на меня недоверчиво, а бывший муж даже не двигается с места. Решили взять меня измором, сомневаюсь мальчишки, что я так просто сдамся. Наглый взгляд блуждает по моему телу, я его чувствую. Господи, как же я хочу хорошенько надраться, так чтобы еле влачить ноги. Но есть опасность того, что я снова оплошаю и проснусь с человеком, который уже давно остался в прошлом.

– Эй, Элли, дай денег, чтобы я посидел немного в заведении. Клянусь я, отдам их тебе, как только найду подходящую работу. – умоляет меня мой двадцати двухлетний брат.

– Ты же услужливо впустил в квартиру его, – подбородком указываю в направлении кухни, – вот у него и проси. Может он еще тебе и работу найдет. Например, грузчиком.

Захлопываю с шумом за собой дверь, я устала и раздражена. А еще и эти двое... Если бы у меня были другие отношения, я бы не реагировала так болезненно на их дружбу. Наглость Доусона в совокупности с простотой моего брата, взрывоопасная смесь. У кого кроме меня такая ситуация? Сколько людей на планете дружат со своими бывшими? И зачем это делать? Когда я его любила до беспамятства, он вел себя как ревнивое чудовище, от которого в принципе он до сих пор не избавился. Некоторое время назад Доусон снова предложил мне попробовать, по старой памяти, все еще всецело принадлежащей ему. Тело и душа, изнывали от желания испытать все снова. Ведь чувства такая тонкая материя, они не умирают мгновенно. А в моем случае годами это чувство хранит сердце только для одного человека. И что сделал он? Растоптал, своим поведением. Он мало того, что набил моему парикмахеру морду, так еще и меня повалил со стула. Когда я ударилась затылком об деревянный пол, испугалась что миллиметр, и он мог попасть по моему лицу. В тот момент я заставила себя засунуть свои чувства глубоко в задницу и отпустить его с миром. Но вот эти попойки ничем хорошим не заканчиваются. Каким-то образом он оказывается там, и мы...

– О-о-о!!!! – стону я, сжимаю голову руками, ворошу волосы, и откидываюсь спиной на кровать. – Даже не стоит об этом думать.

В дверь комнаты стучат, и моё сердце сжимается, я знаю, что это он.

– Эллисон, встретимся завтра. – еще несколько робких ударов, тень переминающегося мужчины под дверью, я стараюсь не дышать чтобы не выдать себя. – Сладких снов, конфетка.

Закрываю ладонью губы, сдерживаю нахлынувшие чувства в себе, больше никаких попыток.

С силой сжимаю свои скулы, чтобы не проронить не одной слезинки, не дать волю воспоминаниям и тем более не сдать под его напором. Смертельная болезнь ничто, на фоне наших с ним отношений, вечными размахиваниями кулаков на находящихся рядом мужчин.

– Уходи, Доусон, – шепчу я в пустоту, только бы он покинул моё пространство, хотя бы ради меня.

Глава 3

Доусон

Дождь заливает за ворот моей кожаной куртки, мотоцикл не лучший транспорт в такую погоду. Но я был уверен, что у меня получится остаться у Вита и Элли. Как бы не так, парнишка сбежал на очередную тусовку или, проще говоря, ночную пьянку с друзьями и шлюшками, а Элли... Она так и не вышла из своего укрытия. Настаивать нет смысла, перегибать палку сейчас, когда все настолько шатко, надо быть идиотом, чтобы не понять ее посыл. Другой бы уже плюнул на все свои попытки, оставил бы девушку в покое. Но не я. Сейчас я действую напролом, методом наглого кабана, идущего косяком. А в душе у меня жуткий ураган, от того, что я ненавижу то, как мужская половина смотрит на нее. Кажется, что одержимость ею только укореняется во мне, крепко прорастая под кожу своими корнями, сплетается с прожилками вен. Несмотря на то, что она уже не принадлежит мне, я все еще люблю ее. Как я могу запретить себе наблюдать за ней хотя бы со стороны?

И пусть все в рамках приличия, но ведь мужики вьются вокруг нее. Имею ли я право хотеть задушить каждого из них? Мне хотелось бы утащить ее на необитаемый остров и держать там до тех пор, пока не поверю, что она вновь моя.

Но Элли слишком самоуверенна, все еще думает, что сможет без меня. Но это не так. Я излечусь от своей ревности только тогда, когда заполучу ее назад.

Я сошел с ума? Уже потерял ее? Я бы не торопился с такими выводами.

Прибавляю скорость и проскакиваю на мигающий знак светофора, не прекращая движения, немного притормаживаю, чтобы войти в поворот. Придуманная мной отговорка с водой, чтобы вызвать жалость и внимание, прокатила бы с любой, только не с ней. Меня бесит ее неприступность, я ведь не слепой. Ее тело каждый раз откликается на мои прикосновения, но вот перейти эту грань мы не можем уже несколько лет. Ожидание – лучший помощник. Медленно, но, верно, я приближаюсь к этой точке невозврата для нас обоих. Я практически уверен в этом. Для меня нет ничего странного в том, что она все еще одна, как и я. Если у нее и были какие-то попытки устроить свою личную жизнь, то я разрушал все в зачаточном состоянии. Хотелось бы, чтобы инициатива была только в отношении меня, но здесь срабатывают ее защитные механизмы. Заручившись поддержкой ее брата и родителей, я все еще могу удерживать ее минимальное внимание к своей персоне. Пусть и выгляжу при этом придурком, который сходит с ума от одного взмаха ресниц Элли, довольствуясь крохами обещанного блаженства.

Вит однажды сказал мне, что она в баре, в нескольких метрах от него практически укладывает в кроватку удачливого мудака, и прикрепил при этом неоспоримое доказательство происходящего. Что мне оставалось? Глубоко засадить свой член в первую попавшуюся киску? Чтобы потом представлять на ее месте ту самую, так мне это не нужно. Элли действует из этих же соображений. Так и началась наша история с перехватом ее свиданий. Первое время это действовало, а потом...

На моем лице расплывается довольная улыбка, едва не влетаю в движущуюся впереди машину на всем ходу, справляюсь с управлением на мокром асфальте, вывернув между машин.

– Дерьмо, – произношу я в шлем, надетый на мою голову, оглядываюсь и вижу раздраженного мужика, который крутит у виска. – Согласен, чувак, на дороге надо отключать свой мысленный поток.

Переключаю внимание на светофор и перестраиваюсь в свою линию, заезжаю на парковку, ставлю мотоцикл на подножку и широким шагом преодолеваю оставшийся путь до квартиры. Едва я закрываю за собой дверь, как на меня накатывает это тупое ощущение одино-

чества. Шлем зажатый под мышкой, приземляется на тумбу для ключей, кроссовки и куртка следуют за всем остальным. Моя одежда насквозь промокла, поэтому я снимаю её и становлюсь под горячий душ, чтобы смыть с себя эту ужасающую тоску.

Еще одна попытка не увенчалась успехом. Насухо вытираю тело и ложусь на кровать, едва сдвинув в сторону покрывало, тяну на себя макбук. Заставка вызывает у меня улыбку, каждый раз как в первый. Элли надела очки в цветной оправе, завязала волосы высоко на затылке, вытягивает губы трубочкой, будто целует фотографа, то есть меня. Это одна из наших вылазок на природу. Тогда она орала не своим голосом, когда рядом с ней проползла змея, а я был в роли спасителя, хотя и знал, что она не ядовитая. Хотелось выглядеть героем в глазах Элли.

Открываю свою страницу на фейсбук, почту и, естественно, ее страничку. Предварительно поставив на свою страницу невидимку, я рассматриваю фотографии, которые уже давным-давно, все до единой сохранены у меня в папке. Я чувствую себя преследователем, сохраняя ее личные фотографии и читая высказывания.

Интересно, она задумывается о том, что это я каждый день захожу к ней? Или думает, что я некий поклонник, который никак не может осмелиться начать ее завоевывать? Проверяю свою почту, отключаю невидимку и ложусь спать. Возможно, завтра мне придет какая-то новая сумасшедшая идея, которая подтолкнет ее ко мне. Было бы здорово...

С этими мыслями меня поглощает Морфей.

Протяжный звонок моего смартфона, или будильника, с трудом раскрываю глаза, упираюсь взглядом в белоснежный потолок. Ловлю «зайчик» утреннего солнца, замуриваю глаза и со стоном тянусь к телефону. Едва разбираю имя звонящего, отвечаю на вызов странным мычанием.

– Доусон Дью, мальчик, доброе утро, – моя мама любитель утренних звонков, даже если я захочу избежать работы, мне никто не предоставит эту роскошь – поспать подольше. – Ты уже проснулся?

– Логично, – отвечаю я и поворачиваюсь на бок, зажимаю телефон между подушкой и ухом. – Доброе, мам.

Она наверняка уже на кухне, честно я мог бы сказать, что именно она делает даже закрытыми глазами, а может и почувствовать запах вкусного завтрака.

– Нам с папой пришла в голову отличная идея, – она тут же шикает, видимо, на отца. – Как насчет обеда в кругу семьи? Вы совсем забыли о нашем существовании.

– Мам, – поднимаю глаза на часы, – тебе не кажется, что сейчас немного рановато для таких предложений? Как насчет того, чтобы я еще немного поспал, а потом дал точный ответ. У меня могут быть дела.

Мама фыркает на той стороне связи, затем папино: «Что он сказал?»

– Нет, ты, конечно, можешь спать сколько угодно, но думаю, ты должен привести себя в порядок, а заодно и машину. Эллисон и ее родители уже готовы собираться в путь, хотя... спи сынок. Пока мама с папой будут устраивать твою личную жизнь...

– Элли? – прерываю ее монолог, который, чувствуя, обещает быть продуктивным, бесконечным на обвинения. – Они согласны?

– Милый, мы уже час назад созвонились. И активно готовим, папа устраивает все на мансарде, – по голосу мамы понятно, что она довольна произведенным на меня эффектом от ее слов, пробивших мой щит отрешенности. – Но ты можешь, конечно, и не ехать, раз занимался невесть чем всю ночь. Папа завяжет твою писюльку на узелок, если ты был не с Элли. Он так только что сказал. Кстати. Элли оказалась без пассажирского места. Немного странно, конечно. Поэтому мы тут подумали...

– Вот дерьмо, – отвечаю я и встаю поспешно с кровати. – Прости, мам. Я уже собираюсь. Очень рад буду с вами встретиться.

– Мелкий трепач, – басит отец и смеется над своими словам. – Тебя только твоя жена может привлечь в родной дом. По пути заедете в кондитерскую и купите торт мамам, как они любят. Потом ты еще скажешь спасибо старикам.

Он отключает вызов, я даже не понял, в какой момент телефон переключал к нему, мама наверняка пошла приводить в порядок зону отдыха после их бульдога. Пока я чистил зубы, мои мысли были заняты тем, что я весь день буду с Элли. Даже если она не будет со мной разговаривать, я готов потерпеть некоторые неудобства. То, что они подстроили всё таким образом, и я еду вместе с Элли, полагаю, говорит о готовности наших родителей помочь мне. Приглаживаю вихор, оттопыривающийся из копны моих черных, как смоль волос. В итоге психую слегка, ерошу волосы и выхожу из ванной. Пара спортивных штанов и черная футболка с героями «Звездных Войн», беру ключи от своего Лэнд Крузера и выезжаю за Элли. Мышцы напряжены, мы слишком давно не находились на таком близком расстоянии друг от друга, столько времени... Даже если предположить, что целый час я буду сидеть как придурок-истукан, этого вполне будет достаточно для сердечного приступа или аритмии, которую она вызывает во мне своим появлением. Естественно, она об этом не узнает. Мне приходится сдерживать себя, чтобы не нажать педаль скорости до предела, не ускорить то, что уже неминуемо. Обратный отсчет до пункта принятия, и я уже у ее дома.

Так, чтобы скрыть свои эмоции, в первую очередь мне нужны мои солнцезащитные очки, из рук вываливаются какие-то болтики и шнурки, бог его знает, для чего они в бардачке, но я, наконец, нахожу искомое. Торопливо натягиваю на лицо маску непроницаемости вместе с очками. В зеркало на меня смотрит брутальный самец, готовый снова завоевать свою самку. Спустя несколько минут мои руки чешутся, чтобы набрать ее номер, а еще через несколько я нетерпеливо барабаню по рулю пальцами. Спичка, которую я только что зажал губами – ломается пополам и грозит застрять в моем горле. Эллисон выходит из дома, а следом за ней низкорослый блондин, этот тощий сухарь прикасается к ее талии и улыбается своей тупой улыбкой. Чехол на руле скрипит от силы сжатия моих пальцев, глаз дергается в ожидании, когда он отвалит от нее. Первый порыв выйти и набить его рожу, окунуть его сначала в клумбу, потом в унитаз, а можно и в обратном порядке. Но я обещал Элли больше не вести себя как дикарь. Поэтому я открываю дверь и обхожу машину, моя челюсть грозит остаться без зубов из-за скрипа, а нервы сдают, когда они приближаются. Закрываю глаза, пальцы побелели, удерживая ручку все еще распахнутой двери для девушки.

– Эйс, ты замечательная девушка. Встретимся завтра.

Мне хочется обхватить его за шею и хорошенько стукнуть об асфальт или капот машины, но я стою железобетонно на одном месте.

– Шевели попкой, куколка. Мы опаздываем, – слова сами по себе вырываются из меня, тон крайне злобный и не терпящий отлагательств. – А ты отдохни, голубок, – говорю после того, как беру Элли за руку и усаживаю на переднее сидение, едва она убирает ножку, я захопываю дверь. Разворачиваюсь, становлюсь почти вплотную с хилым дробером, незаметно для нее делаю совсем малюсенький удар в грудную клетку женишка. Он меняется в лице.

– Еще раз увижу, как ты, козлина, выходишь из ее квартиры, сломаю твою долбанную шею. А теперь мило улыбнулся. Не расстраивай мою жену.

Мне даже не надо останавливаться, чтобы проверить поступил ли он так, как я сказал или нет. Словно робот, я напрягаю мышцы лица и исправляю свою оплошность. Краешком губ улыбаюсь, когда сажусь в машину, наклоняюсь и привычно целую девушку в щечку.

– Ты ему угрожал? – она поправляет свое платье в мелкий цветочек на коленях, отряхивает невидимую пыль.

– Посмотри, как он улыбается и машет тебе, ты ошибаешься. Мне он показался хорошим парнем, – меня тошнит от моих слов, сдерживаю себя. – У тебя так изменился вкус?

– Что ты имеешь в виду? – ее бровки приподнимаются, а губы, лишенные косметики, надуваются в обидчивом жесте.

– У парня явно проблемы с желудком, может запоры, посмотри сама на эту гримасу боли. Он явно хочет опорожнить содержимое внутренностей, как бы не на твоей лужайке, – качаю головой в отвращении, она же в неверии смотрит на парня. – У него рахит и атрофия мышц, не думаю, что он выглядит как твой рыцарь.

Поворачиваю к ней голову и прикасаюсь к руке, лежащей вдоль сидения, она ее тут же выдергивает, от чего я начинаю искренне улыбаться. Она в своем репертуаре, да начнется игра.

– Странно, что ты так легко согласилась ехать со мной, – размышляю я вслух.

– Не хватило места. Мой папа решил, что они играют в гольф с твоим отцом именно сегодня.

Она проводит большим пальцем по заусенцу на указательном, потом обхватывает его зубами, и я забываю про светофор и сзади стоящие машины. Ее палец погружается в рот, и по моему телу проносится волна возбуждения. Пухлые губы, влажные пальцы и ее приоткрытый рот – это самое возбуждающее зрелище – обгрызание ногтей.

– Доусон, машины сигналият, – она осуждающе на меня смотрит и цокает языком. – Прекращай вести себя как Ганнибал Лектор, у тебя слюни потекли, – она закатывает глаза и отворачивается.

Я на самом деле чувствую себя дебиллом каждый долбаный раз.

– Я просто думал о том, как хочется треснуть тебе по рукам за то, что так безобразно грызешь ногти, – хватаю ее за руку и приподнимаю вверх. – Это обрубки, ты их под ноль сгрызла. Думаешь меня это возбуждает? – «еще как» орет моё подсознание. – Нет, Элли, твои слюнявые грязные пальцы во рту меня бесят.

Сзади снова сигналият, и я нажимаю педаль газа так, что машина дергается. Когда нас начинают обгонять, то каждый водитель норовит заглянуть в салон, чтобы узнать, что же это за идиот, который пропустил два знака движения, потому что пялился на руки девушки. Моя грубость по отношению к Элли, то, как я обороняюсь, заставили ее отвернуться от меня полностью и прижаться к стеклу. Я должен извиниться, впереди вижу вывеску кафетерия, сворачиваю на парковку и иду в уютное кафе. Молодой бариста делает молочный, остуженный коктейль для моей бывшей жены, беру бутылку воды для себя, пару пончиков, торт и с упаковками иду назад в машину. Едва я закрываю дверь, Элли поворачивается и оценивает содержимое пакетов, затем делает вид, что не заинтересована, в отличие от ее живота, громкое бурчание которого сложно не услышать.

– Решил подлизаться? – она берет стакан с трубочкой и коробочку с ее любимыми пирожными.

– Я подлизу тебе так, что ты улетишь в космос и не один раз. Мои губы все еще помнят твой вкус, – она краснеет, я же отпиваю глоток воды и сосредотачиваюсь на дороге. – Я рад, что ты тоже помнишь. И я намерен не дать тебе это чувство забыть.

Она привычно протягивает руку к плееру и включает первую попавшуюся песню. Салон заполняет голос Richard Marx с песней Right Here Waiting, у меня перехватывает дыхание, когда она прикладывает ладонь к своим губам, ее взгляд встречается с моим, и мы замираем... Однажды именно эта композиция играла, когда мы впервые поругались. То, о чем поется в песне, отражает мою сущность, я буду ждать ее вечно, несмотря ни на что, и она знает это. Ведь действительно, что бы для нас не придумала судьба, я все равно останусь рядом, пока дышу, чтобы запомнить каждое мгновение, оставить в своей памяти. Стоит ли говорить ей о моих чувствах сейчас, или я должен доказать их своими действиями? Моя романтическая сторона борется с мужской, той, которая должна быть закаленной и сдержанной.

Провожу рукой по своим волосам, запутываюсь пальцами и сжимаю в кулак. Ее грудь высоко поднимается и опускается в такт со словами, которые доносятся из динамиков. На

душе становится невыносимо грустно от того, что будущее невозможно предугадать, сделать его настоящим по желанию и мгновенно. Лечит время? Чушь! Первая любовь, она либо расцветает в твоей душе прекрасным цветком, либо остается гниющим соцветием, убивающим тебя изнутри.

– Что мы делаем, Доусон? – она делает тише, и ее голос срывается на последнем слове. – Ты должен все отпустить и позволить нам двигаться дальше.

Сжимаю губы в тонкую полоску, хочу отмолчаться, но ее пыливый взгляд прожигает дыру в моем виске. Я его чувствую, старательно не отвожу взгляд от дороги. Пустая трасса, спокойная езда, о чем еще я могу сейчас думать, чтобы успокоиться? Как ответить на ее вопрос? Правдой? Той, что поможет нам двоим или оттолкнет.

– Если бы мы могли двигаться по отдельности, то давно уже сделали бы это, времени прошло предостаточно. И ты это знаешь не хуже меня. То, что мы делаем, называется – любовь. Я люблю тебя, ты любишь меня. Но мы все еще боимся снова обжечься друг о друга и испытываем боль, она сидит в наших сердцах. А еще это чувство страха снова потерять, – сбрасываю немного скорость, чтобы сосредоточиться на Элли. – Ты думаешь, меня не пугает то, что происходит между нами? Считаешь брак, в котором мы были счастливы, не повлиял на меня? – замолкаю на некоторое время, затем мой голос становится громче. – Думаешь, ты одна страдала? Но не выйдет убить меня этим чувством, понимаешь? Я буду идти напролом! Даже если придется совершать гнусные поступки, и есть вероятность, что после этого ты меня возненавидишь.

Ее глаза наполняются слезами, а я сглатываю горький ком, застрявший в горле. Мне больно от того, что мы каждый раз пытаемся, и ничего не выходит. Эти маленькие шаги уже бесят меня, я хочу просто нарушить все правила и взять свое, жить, наконец, счастливо, а не сминать холодные простыни одинокими ночами. Не шататься по улице в поисках нее, не заглядывать в окна, не ждать звонка из заведения, откуда я могу её забрать. Она нужна мне рядом, тогда и сейчас. Но не было у меня мозгов удержать все то, что мы начали строить. То ли клей был не прочный, то ли руки кривые.

– Мне кажется, ты ошибаешься, – она уже взяла себя в руки и теперь не кажется такой ранимой, но я тоже не палтус попасться на эту удочку.

– Ты сама в это не веришь. Именно поэтому сейчас здесь в машине не клюшки для гольфа, а моя любимая бывшая-тире-будущая жена, – дергаю ее за хвостик так привычно, что разливающееся внутри тепло заполняет мою душу, как раньше.

Глава 4

Эллисон

Пытка, в которую меня окунул бывший, похожа на инквизиционную, она настолько изощренная, что все предметы, находящиеся вокруг меня, кажутся потенциально угрожающими жизни. Вилки, горячая паста, ножи для нарезки мяса и даже трубочки для коктейля, которым щедро нас напоила мама, не кажутся мне безопасными. Я могла бы воткнуть один из этих предметов в моих родственников, чтобы избавиться от фантомной боли в груди. Мы давненько не собирались вот так вместе, просто потому что заняты, да и по многим причинам. Мой усиленно дергающийся глаз, подпираю рукой, слегка нажимаю на бровь. Темы одна глубже другой, и я с остервенением ожидаю окончания вечера. Но если я хорошо знаю своих и его родителей, сейчас начнется жара с танцами, дурацкими конкурсами, беседой, глубокой и подавляющей. А потом они спрашивают, что не так в них. Я сомневаюсь уже в своей нормальности, что там до них. Наши отцы играют в гольф неподалеку на лужайке, Доусон ушел с моей мамой на кухню приготовить парочку коктейлей, кажется, я видела пиво в руках моего отца и скотч у Доусона. Это значит, что никто никуда не едет. В доме три комнаты. А теперь включаем мозг и простую арифметику, тадам и я являюсь лишней, потому что гости обязаны занимать комнаты. Обязаны – по правилам хорошего тона. Место рядом со мной продолжает пустовать, и я делаю небольшой перерыв между нападками, пусть и завуалированными, но явно целящимися в моё сердце. Мне в горло не лез кусок, пока родители миловались, а теперь я заглатываю пищу не пережевывая. Мы столько времени провели вместе, каждый праздник выглядит как эти посиделки на террасе. Это абсолютно родные и нежно любящие друг друга люди, которые до сих пор не поняли главного, что мы с Доусоном не вместе. И вряд ли когда-либо будем. Хотя при родителях мы ведем себя более чем уважительно, но я не пропускаю колких слов и подначиваний, отвечаю практически в лоб. Стремление сплести нас вместе в этот раз зашкаливает.

– У твоего отца отличный вкус, – накачанное тело грациозно садится рядом со мной, слегка задевает меня локтем, от чего мой соскальзывает со стола, и голова практически встречается со столешницей. – Эй ты уснула?

Медленно разворачиваюсь к нему и поджимаю губы, он отражает моё выражение лица, затем отпивает скотч.

– Ты специально пьешь, чтобы не везти меня назад, так? – складываю руки на груди. – Мы не станем спать вместе.

Доусон кажется, потерял к моим словам всякий интерес, расслабленно развалившись в кресле, он наблюдает за нашими отцами.

– Ты портишь воздух ночью, поэтому спать с вонючкой я тоже не имею огромного желания. – я вся собираюсь, чтобы напасть на него. – И не возражай, вспомни Вегас. Это ведь была вторая наша ночь в качестве супругов. Тогда ты напугала треском даже соседей за стеной.

– Доусон, – хриплю я. – Ты накопил меня яйцами и пикули, мой желудок не выдержал и... – боже какой позор, я действительно очень громко пукнула когда смеялась, над одной из его шуток. Очень громко. Но я ведь человек, так ведь?

– Ну теперь ты понимаешь, что после всего что ты сегодня ела, я опасаюсь ожидающей меня газовой атаки или еще чего хуже. Мне еще не открылись все твои способности, – он многозначительно смотрит на пустые тарелки. И тут понимаю, что пока была одна, сожрала все, что находилось на моей тарелке, а это не мало!

Трясущейся рукой я провожу по все еще плоскому животу. Я действительно расстроена, до его слов мне казалось проблема в нем, но теперь она во мне. Страшно даже представить, как

я снова опозорюсь. То есть я уже приготовилась спать с ним? Да уж молодец, что уж. Говорю одно, думаю другое.

– Но знаешь что? – он низко наклоняется ко мне, я поворачиваю к нему голову и наши носы соприкасаются. – Если ты будешь все так же смеяться от моих шуток, я все тебе прошу.

Мои глаза мечутся по его лицу, он серьезен как никогда, губы приоткрываются, когда я, наконец, ловлю на них фокус. Миллиметр и он меня поцелует, малюсенькое расстояние до очередной ошибки, и я отворачиваюсь в самый последний момент. Он громко вздыхает и подносит бокал со скотчем к губам.

– Больно надо было, – отвечает он детским голосом, – Помнишь?

Отворачиваюсь от него и улыбаюсь во весь рот, именно так он ответил, когда я отказала ему в повторном поцелуе в нашу первую встречу. После этого он был так оскорблен, что еще минут пятнадцать бурчал, какая я противная девчонка.

– У нас была довольно дорогая свадьба, кстати. – он снова привлекает моё внимание, я подношу соломинку к губам и втягиваю в себя «красную Мэри», по телу растекается приятное тепло. Что, несомненно, играет ему на руку, потому что я уже не могу оторвать своих глаз от него, расслабленно расположившись рядом.

– Это была двадцати долларовая процессия со лживым Элвисом и женщиной похожей на трансвестита. – усмехаюсь я, действительно только сейчас вспомнила как это выглядело на самом деле.

– А ты учти перелет. Думаешь за что нам всыпали родители? Ты же не думаешь, что Сидней и Вегас рядом. – просто отвечает он, рассматривая свои кроссовки.

– Тогда почему мы выбрали это место? – поражено задаю ему вопрос, ведь именно он оплачивал эту поездку.

– Это была твоя детская мечта, и я обещал тебе. Мне хотелось быть идеальным – он хмурится отчего я повторяю за ним это действие. – Теперь я думаю это было ошибкой. – мое тело непроизвольно дергается словно от пощечины. – Что бы не случилось я не жалею о нашем браке и днях, проведенных вместе.

Услышать от него это признание подобно удару хлыста, который с громким светом рассек воздух. Мое тело застывает, превращается в окаменелую глыбу. Едва дышу, чтобы не выпустить из себя предательские слезы.

– Элли, я жалею только потому, что, если бы мы сделали это здесь, в Сиднее. – его пальцы приподнимают мой подбородок чтобы заглянуть в глаза, – мы не развелись бы. Процессия подразумевает венчание, а это в болезни и здравии.

Смесь эмоций водопадом окатывает меня, я встаю со стула и стремительным шагом пересекаю небольшую лужайку, прохожу в дом и закрываюсь в туалете. А ведь он действительно прав, он пошел у меня на поводу, чтобы сделать приятно мне и потом все испортил. Мы испортили. Сколько раз мы пытались снова? Он никогда не сдавал позиции, а я готова была простить все его поступки, пока не выросла. И что изменилось сейчас? Я все так же зачарованно смотрю в его карие глаза, только его губы целуют меня так сладко, что хочется умереть, только при одном прикосновении. Прикосновения пальцев заставляют забыть обо всем и погрузиться снова в этот омут, ощутить глубину страсти и наслаждения. Снова испытать эту гамму чувств. Я умываю лицо прохладной водой, вытираюсь мягким полотенцем и опираюсь на раковину, чтобы перевести дыхание, восстановить равновесие душевных сил. Я не думала, что это будет легко, никогда не было, почему именно сейчас я подумала о том, что что-то изменится? Ручку несколько раз дергают, затем слышится тихий стук. Напрягаюсь всем телом в ожидании, кого принесло.

– Эллисон, малышка открой двери. – голос моего папы раздается с той стороны, я размышляю о том стоит ли расстраивать его своими растрепанными чувствами. Открываю перед ним дверь, добрая улыбка моего наставника и родителя в одном лице, заставляет меня крепко

обнять его тело. – Немного странно нежничать в уборной, правда? Ты пряталась в туалете каждый раз, когда расстраивалась. Что тебя огорчает?

Он выводит меня из уборной, в их с мамой спальню. На прикроватном столике стоят четыре фотографии, на одной из них мы совсем юные с Доусоном и наша роспись в Вегасе. На двух других мои родители в молодости и сейчас. Я беру в руки рамки со свадьбы в Вегасе и подношу ближе, чтобы рассмотреть наши счастливые лица. Тогда казалось все таким простым, будущее маячило перед нами, заливаясь розовым цветом, сквозь тонкие стекла. Сейчас же я ловлю свое отражение в зеркале и от счастливой улыбки не осталось и следа. Возможно, это от того, что я не даю им шанс, и сама чувствую себя забитой в угол. Присаживаюсь на кровать и ставлю на место рамку. Сплетаю все еще горячие от прикосновения с прошлым пальцы, чтобы сохранить это тепло.

– Малышка все твои переживания напрасны, если это ваша судьба рано или поздно она вас все равно настигнет. Ваши отношения напоминают бумеранг. Вы отражаетесь друг от друга, а надо лететь в одну сторону, чтобы вернуться на исходное положение. То, что мы сегодня собрались вместе, должно стать неким праздником, а не поминками. Ты расстроена, он переживает. – папа обнимает меня за плечи, и я кладу свою голову ему на грудь. – Ты можешь с уверенностью сказать, что ничего к нему не чувствуешь?

Я отрицательно качаю головой, действительно не уверена. А врать моему папе я бы ни за что не стала, он единственный человек в мире понимает меня с полуслова. Их отличие с мамой в том, что он пропускает все мои проблемы через себя. А мама всегда позитивно настроена, и когда я хочу поплакать, мне нужен мой папа.

– Он не перестает бороться, кажется, что Доусон не хочет сдаваться. – тихо произношу я. – А я не знаю, как научиться жить без него. Двинуться вперед, чтобы не сравнивать его со всеми. А начать снова еще страшней.

– Так может это борьба с ветряными мельницами? Лови дуновение ветра и лети. – папа целует меня в макушку, встает и открывает для нас дверь. – Мы же не хотим огорчать маму и наших гостей? – он ожидает, когда я с ним поравняюсь. – Попробуй новые отношения с ним, другие на вкус, ощути эту новинку, окупись с головой. И если там не будет ничего стоящего, вы можете попытаться снова. Только знай, иногда наш выбор отравляет нас. Приносит много боли. Поэтому в жизни нет права на ошибку. И очень часто сложная ситуация покажет кто является твоим человеком и будет с тобой до конца. Посмотри на нас с мамой, у нее самый веселый нрав, а я зануда, который постоянно раздражает ее своим поведением. Но если случится что-то страшное, я уверен, что мама будет рядом, поддержит и никогда не бросит. То же самое и с семьей Доусона. Вспомни, через что они прошли. И каждый раз, когда мы расставались, попытки начать заново сделали нас теми, кто мы есть.

Позволяю ему уйти вперед меня, он все верно говорит. Когда Гаррет и Мейси похоронили младшую сестру Доусона, которая болела лейкемией, казалось, они оба сломлены. Но ни один из них не отвернулся друг от друга. Они пережили эту утрату рука об руку, постоянно оказывая поддержку. Мои же родители, переживают за моего бестолкового брата, всячески его выгораживают и поддерживают. Так может вот именно так и должны выглядеть отношения. Доусон показал себя совершенно с другой стороны, потеряв его доверие, он так его и не заслужил. Я все еще испытываю напряжение, когда со мной рядом мужчины, кажется, он сорвется с места и затеет драку. Мне сложно найти парня в баре, потому что я жду, когда выйдет Доусон. Все бы ничего, по-своему собственничество это приятно, но не тогда, когда ты приходишь домой и твоя блузка в крови «соперника» или тебя повалили вместе с танцующим с тобой парнем. Любой человек в радиусе метра уже является жертвой, будь это сотрудник или друг. Которых у меня совсем не осталось, благодаря моему бывшему.

Я прохожу на террасу, и вижу этот снующий в поисках меня обеспокоенный взгляд, он хищный, тревожный и любящий до безумия. Слово он ревнует меня даже к этим стенам,

которым я принадлежу больше, чем ему. Доусон приподнимает уголок губ, и я ему отвечаю полуулыбкой, интересно, что он мне ответит на предложение, возникшее у меня в эту самую минуту. Мама оглядывается и протягивает мне очередной бокал «кровавой Мэри», мы все ударяемся бокалами за встречу.

– Тут такое дело, у нас две комнаты и гостиная. Нас шесть человек, – моя мама не вовремя затеяла это разговор, ловлю расстроенный взгляд папы. – Мы с папой займем нашу комнату, Гаррет и Мейси гостевую.

Доусон начинает дергать ногой, и нервно чесать свою едва отросшую щетину.

– Мы с Доусоном поспим в моей комнате, да? – я задаю вопрос ему под ошеломленные взгляды окружающих, – или ты хочешь спать с собакой моих родителей на диване?

Он невидяще трясет головой, потом его рука заметно для окружающих щипает за свой же бок. Я терпеливо жду ответа.

– Отличная идея, ваша собака очень слюнявая и мне не хотелось бы вынимать ее острую шерсть из своего тела. – его рука тянется ко мне под столом, и я опускаю взгляд на наши скрестившиеся пальцы.

– Это предложение дружбы Доусон. – он разочарован, но я все еще удерживаю его руку. – Мы могли бы попробовать с нее. Ты научишься управлять своей ревностью, а я снова тебе поверю хорошо?

Он наклоняется к моему уху, практически целует его, посылает миллион сексуальных флюид по моему телу.

– Знаешь, в чем проблема, куколка? Тебе нельзя пить, вспомни сколько раз мы просыпались вместе после твоих возлияний? – он слегка отодвигается и приподнимает брови. – Так что отношения наши начались уже довольно давно. Стадия друзья, согласен. Но с привилегиями.

Если вспомнить слова папы примерно так все и выходит, мне нужен секс и друг. Возможно, в лице моего бывшего. Так почему бы не совместить приятное с полезным?

– Только без люблю, целую, скучаю, обнимаю, – произношу я тем же шепотом что и он.

– К чему нам эти розовые сопли. – Доусон, заправляет прядь моих волос за ухо и поднимает наши сплетенные руки для поцелуя. – Я оправдаю твое доверие.

Глава 5

Доусон

– Что ты делаешь? – Ханна заходит в мой кабинет без стука, прерывает мой внутренний монолог самого с собой. – Добрый день.

Моя рука застывает на месте, словно затекла, оказывается, все это время я зажимал паркеровскую ручку у носогубной складки и размышлял о прошедшей ночи.

– Занят я. – Коротко киваю ей в направлении стола, чтобы она оставила кипу бумаг со списком, купивших абонементы.

– Что за дебильная улыбочка на твоём лице? – Подходит ко мне еще ближе, кончиком прохладных пальцев она ударяет между бровей. – Здесь все дома?

Ее лицо опускается напротив моего, руками она опирается об стол и стоит в наклоне, заглядывает мне в глаза. Аккуратно отодвигаю ее за плечо в сторону, двери распахиваются, и мне остается только выглянуть из-за девушки, стоящей передо мной.

– Помешала? – насмешливый голос, и игривая походка Элли привлекает к себе внимание. Ее тело облачено в спортивный топ и обтягивающие лосины со вставками в виде сеточки. Не помню, чтобы она вот так расхаживала полуголая, меня это раздражает. Надо придумать закрытую униформу. – Ханна. – Она слегка кивает обалдевшей девушке и отодвигает ее в сторону, сама же садится на край стола и громко чмокает меня в губы. «Губы», – орет мое подсознание, это просто невыносимо! Едва улавливаемый жест, конфетка ревнует; кривая ухмылка захватывает мои губы. Кладу свою ладонь поверх ее и удерживаю, чтобы как можно дольше посмаковать вот в таком соблазнительном положении.

– Вообще-то так сидеть нельзя, это кабинет твоего босса и... – Ханна ловит мой уничтожающий взгляд и замолкает. Пятясь, она удаляется из кабинета, пунцовые щеки выдают ее растерянность.

– Это мы так дружим? – спрашиваю Элли. – Мне не очень удобно, когда ты вот так сидишь. – Она пытается слезть, но в это время я тяну ее по столу к себе. Буквально вытираю ее пятой точкой невидимую пыль на всей поверхности. Устраиваю перед собой, с широко разведенными бедрами. – Вот так лучше.

– А что тебя не устраивает в подобном понятии дружбы? – Она скрещивает руки на груди, пока глажу ее колени.

– Когда ты рядом, мне хочется сделать вот так. – Наклоняю голову, мгновенная боль простреливает в позвоночнике, но я целую ее облаченное в лосины колено, несмотря на неудобство. – И вот так. – Придвигаю кресло ближе, целую ее в открытый живот. – И вот так, – мой голос осип окончательно, встаю с кресла и обрушиваюсь на ее губы.

Меня не покидает это чувство дискомфорта, стряхиваю с себя все и сосредотачиваюсь только на девушке. Легкие прикосновения, никакой жадности – только нежность и благоговение. Я так скучал по ее губам, что сейчас мне просто необходимо, чтобы она ответила мне разок, иначе я превращусь в хищника, пожирающего ее лицо. Легкое шевеление губ, Эллисон прикусывает мою нижнюю губу и дерзко отвечает. Просовывает язычок в мой рот, от чего я стону, еще сильнее прижимаю ее к себе, снимаю со стола и усаживаю к себе на кресло.

– Я соскучился по тебе. Что будешь делать после работы? – Маленькими поцелуями покрываю ее губы, при этом смотрю в глаза.

– Иду в класс йоги. – Слегка отодвигается, запутывает свои пальцы в моих волосах и ерошит их. – Позже мы можем встретиться и перекусить.

Я так доволен тем, что она не борется со мной. Пальцами глажу ее голую поясницу и не могу насмотреться на нее. Запомнить эту родинку справа на щеке, зелено-карие глаза, длинные ресницы. Вдыхаю запах ее карамельных волос и трусь носом об нежную кожу на ее щечках.

– Я заеду за тобой в центр, потом мы придумаем, как провести вечер. – Снова целую ее в губы. – Хочу зацеловать тебя до смерти, до изнеможения. – Шумно вдыхаю через нос запах ее тела. – Ты даже не представляешь себе, что я чувствую.

Элли обнимает меня за шею, и я чувствую, как она дышит мной, ее тело жадно вжимается в моё. Так бывает, когда души соскучились друг по другу, сердце бьется о грудную клетку, а сердце ноет только от одной мысли, что это ненадолго. Тогда ты не можешь остановить момент и тянешь до последнего, в надежде отсрочить расставание. Пусть даже на некоторое время, но и этого достаточно.

– Представляю. Но еще больше меня пугает, что это так не похоже на то, что было. Верней, похоже, но мощнее в миллион раз. – Не позволяет мне посмотреть ей в лицо, я чувствую ее страх, он просачивается в меня. – Друзья говорят такое друг другу? – спрашивает она, а я прижимаю ее еще крепче к себе. – Кажется, нашим отношениям сутки, а воронка начинает закручиваться подобно торнадо, ты же знаком с разрушениями, которые учиняет подобная стихия?

– По-твоему, у друзей бывает такая реакция друг на друга? – Показываю на ее возбужденные соски, которые видны через плотную ткань, а затем на свои джинсы. – К тому же, еще ни один мой друг не позволял себе садиться на рабочий стол так, как это сделала ты. Но я не протестую, даже если бы ты легла поверх него, мой день от этого станет только лучше. А ураган мы способны обуздать совместными усилиями.

Она смотрит на свои наручные часы, отодвигает ногами кресло вместе со мной и слезает с моих коленей.

– У меня сейчас занятие. Поговорим о нас позже. – Я смотрю ей вслед, она просто обязана обернуться. Голова Элли склоняется немного на бок, секунда, и она оглядывается, чтобы одарить меня одной из своих сногшибательных игривых улыбок. Я встаю следом за ней, пересекаю в несколько шагов расстояние. Рукой удерживаю дверь, чтобы она ее не открыла, и смотрю в глаза.

– Дай мне маленькую привилегию. – Делаю вид, что подставляю щеку, но, когда она почти прикасается, поворачиваю голову и захватываю в плен ее губы. Сладкий, нежный поцелуй от моей любимой.

Освобождаю путь для Элли, смотрю на ее удаляющуюся фигуру, засунув руки глубоко в карманы. Парни из тренажерного зала стоят, облокотившись об поручни, и по их лицу видно, что она им интересна. Тело мгновенно напрягается, когда один из них говорит ей что-то, судя по всему, она ему отвечает, потому что морда этого недоделка сияет от удовольствия. В голове мгновенно перемыкает, и я ужедвигаюсь в направлении компании отдыхающих. Мои ноздри раздуваются, как у быка, руки чешутся, чтобы припечатать за счастливый вид одного из них. Может и всех. Но я ведь обещал, что теперь все будет иначе, моя ревность должна уйти на задний план, а я – измениться ради нас.

* * *

– Доусон, – голос Ханны доносится откуда-то из потолка, затем меня трясут за плечо. – Доусон, просыпайся, пришел Нильс Виссен из компании «Optimum Nutrition».

Я с трудом понимаю, о чем она говорит, словно глаза наполнены песком. Еле отрываю голову от стола, за которым я просидел, судя по времени, около четырех часов. Дорога обратно сказала на мне несвойственным образом. Оглядываюсь по сторонам, вдыхаю запах духов, которые принадлежат отнюдь не Элли. Куда она пропала? И где те парни? Дверь плотно закрыта, на моем столе нет ни единой бумаги.

– Они ждут тебя все это время, чтобы поговорить о поставках спортивного питания для клуба. – Ханна обхватывает мой подбородок, и я, наконец, опускаюсь на землю. – Доусон, ты не спал всю ночь? У тебя полоска осталась на щеке от кофты.

– Спасибо, Ханна. – В висках все еще стучит, а глаза слипаются в желании забвения. – Я не спал. Эллисон приходила, и, знаешь, больше не делай так, не становись при ней в такую позу. Я серьезно.

– О чем ты? – Она отходит на один шаг от стола, позволяя мне подняться и размять затекшую шею и плечи. – При ком не подходить? Эллисон не было сегодня, у нее даже нет занятий в расписании. А заходить сюда, чтобы привести тебя в порядок, моя работа, насколько я помню.

Провожу рукой по волосам, протяжно стону и потираю обеими руками лицо. Черт возьми, все это мне приснилось. Стол, поцелуи и разговор. Теперь понятно, почему у меня так болела шея, пока она обнимала меня, вот откуда эта ломка. Все тело затекло от неудобного положения.

– Мне кажется, было ошибкой наше поведение несколько дней назад. Я не хочу, чтобы Элли думала, что, между нами, что-то есть или будет, – говорю Ханне. – Сейчас тот самый момент, когда я, кажется, зацепился за край и хочу быть пойманным на крючок.

– А я тебе говорила. Но может это реакция на нашу встречу в ее зале. Она точно тебя ревнует. Кажется, у нее валил дым из-под волос, когда я намекнула, что ты со мной. А наш поход домой... Кстати, у тебя тяжелая рука. Ты мог не смотреть на ее машину, когда она уезжала, все было бы правдоподобней. – Ханна бьет меня файлами по животу и разворачивается к двери.

– Спасибо за то, что заранее заказала пиццу, без тебя я бы не справился. – Она кивает головой и выходит за дверь.

Мне очень повезло однажды познакомиться с ней. Муж Ханны погиб в горячих точках, она осталась одна с маленьким ребенком на руках. Образования у нее нет, и соответственно, никто не хотел брать на работу девчонку с такими проблемами. Когда она пришла сюда со своей дочерью на руках, мне это напомнило о моей маленькой сестре, и не было сомнений по поводу Ханны. Наша дружба никогда не выходила за рамки, она делилась со мной наболевшим, а я с ней. Мне становилось легче, она словно родственная душа, которую наша семья потеряла много лет назад. Я не очень верю в переселение душ, но моя сестра вполне могла бы поселиться в теле Ханны. Теперь она замешана в моих махинациях, причем ей это приносит только удовольствие. Есть в этом что-то садистское, но я не знаю, как мне завоевать Элли.

Когда спустя несколько часов я разбираюсь со всеми делами центра и заключаю договор на поставки отличных добавок, меня ждет моя квартира и ужин в маленьком ресторанчике напротив моего дома. Но сначала я сделаю все то, что стало моим смыслом жизни. Загляну в маленькую страну конфетки. Оставляю машину в нескольких кварталах и пешком бреду по знакомой улице. Уже стемнело, поэтому могу оставаться никем незамеченным. Редкая дама с собачкой проходит мимо; спокойный район преклонного возраста, как называет его Ханна. В этом месте нет студентов или группировок. В основном, пожилые люди, которые каждый день приходят к тебе с яичным пирогом, делятся новостями и доживают свою прекрасную жизнь. Сегодня очень теплый вечер, поэтому прогулка выдается довольно приятной, в отличие от прошлой.

Вчера я думал, что мы уже вместе, настроился на бурную ночь и, возможно, продолжение отношений, переезд и все сопутствующее. Но это же Элли, мы посидели за столом, я подержал ее за руку. Но как только мы переступили порог ее комнаты, она бесцеремонно указала мне на пол. В смысле на пол с матрасом, пара одеял, постельное белье и подушки. По очереди мы сходили в душ, ну и разговор как-то не пошел. Я старался доказать ей, что все будет замечательно. А Элли сидела, ссутулив плечи, на кровати спиной ко мне, мне даже показалось, что время от времени она вытирала глаза. Но так как свет был выключен, увидеть, что происходит

с ней, я не мог. Понятно, что она боится начинать заново, но я могу держать себя в руках. Возможно, еще не до такой степени, но постоянные тренировки на груше меня и так выматывают, откуда брать силы на мордобой. Ревность – это как сломанный ген в моем ДНК. Красная кнопка, включающаяся сама по себе, бред между сном и явью. Не знаю, как это объяснить, контроль покидает меня, когда к ней подходят другие. Хочется затащить ее в укромное место и не делиться. Может это потому, что она по-настоящему никогда не принадлежала мне.

Пиная маленький камешек, лежащий на моем пути, он попадает по мусорному баку, издавая треск. Моя досада от проведенной впустую ночи убивает меня. Разве не она сама сказала, что мы будем вместе? Дружить – это практически отношения? Мне необходимо делать что-то, иначе я просто свихнусь.

Ее дом маячит передо мной, как бельмо в глазу. Оглядываюсь по сторонам, обхожу его стороной, убираю несколько досок в сторону и подхожу к окну, в котором горит свет. Большой кустарник больно колет мои руки, но я аккуратно отцепляю колючки от кофты и пробираюсь ближе к окну. Тонкая вуаль тюли открывает все для лучшего обзора. Комната пустая; терпеливо я слежу за тенью, которая вот-вот появится. Мои ноги утопают в земле-жиже, которая впитала в себя всю влагу дождя, но меня это не останавливает. Даже если бы сейчас на меня напала анаконда или спустился гигантский птицеед, – это никак не повлияло бы на мое поведение. Я замираю, когда Эллисон выходит из ванны и, завернутая в полотенце, растирает волосы вторым. Мягкий свет лампы делает ее кожу бархатной, словно она в дымке, распаренная и прекрасная. Ее голые ступни аккуратно ступают по ламинату, оставляя влажные следы. Наклоняет голову вперед и ритмично растирает волосы. Полотенце на ее теле задирается немного выше, оголяя мягкую округлость ее попки. Мой полуоткрытый рот и мощная эрекция практически выбивают из меня искры. Я могу воспламениться только от вида ее попки. Жалкий сталкер, ждущий, когда же она снимет это чертово полотенце. Ее рука тянется к груди, и она убирает маленький узелок. Вытягиваю шею, так как она села на кровать; цепляться за окно нельзя, могу издать шум, поэтому тянусь дополнительно на носочках. Телефон мигает на ее кровати, я едва дышу, когда она снова завязывает полотенце на груди. Ее лицо озаряется улыбкой, телефон зажат между ухом и плечом. Мягкими движениями она растирает молочко, которое взяла с тумбы. Пара ласкающих движений по вытянутым ножкам, и я парализован, окрылен и беззащитен. Каждый раз, когда она забирается руками под полотенце к внутренней стороне ноги, я практически вою от того, что хочу к ней прикоснуться. Прижать к этой самой постели и делать с ней всю ночь все, что она пожелает. Чего я захочу. Все, и только с ней. Ветка кизильника больно впивается в мою ляжку, когда я немного покачиваюсь и оступаюсь. Небольшой камень, черт бы его побрал, и я уже, сцепив зубы, цепляюсь за колкие ветки, не удерживаю равновесие и невольно заваливаюсь на бок.

– Шшшштотбтебя, – шиплю я от боли, острые иглы-кинжалы впились по всей левой части моего тела. А я даже завопить не могу, любое движение вызывает у меня адскую боль. Закрываю на миг глаза и слышу щелчок открывающегося окна, мое сердце дало такой галоп, что после него выжить, – это действительно счастливый случай. Перестаю дышать, надуваю щеки, вдавливаю свое тело в землю, кишашую всякой дрянью, и в листья, наполненными шипами, получаю легкий шок от всего вместе взятого.

– Через сколько встречаемся? – до меня доносится голос Элли, разговаривающей по телефону. – Да, я буду готова, Рэдс? Супер. Надеюсь, там будет стоящий мужик, и я, наконец, стряхну с себя это долбанное оцепенение.

Она отходит от окна, а я, невзирая на боль, откидываю усталую голову с ветки, и мои легкие наполняются таким необходимым мне воздухом. Очень аккуратно на коленях я выползаю из густого кустарника, поранив при этом еще и ладони. Следы от земли и мокрой травы навсегда испортили мои голубые джинсы, но я знаю, в каком направлении сейчас буду двигаться. Выпутавшись из поливочного шланга, зацепившегося за мой кроссовок, я пробираюсь в щель

заборчика. Отряхиваюсь и остаток пути преодолеваю на невысказанной даже для меня скорости. Теперь осталось держать руку на пульсе, пока она не появится в поле моего зрения. Машина ревет, шины визжат, жажда скорости и преодоления расстояния в считанные минуты.

Дома передвигаюсь, словно я Флэш, едва ли остается время на раздумья. Душ, пару временных пластырей, футболка, новые джинсы и кроссовки. Закидываю грязную обувь и вещи в дальний угол, сейчас нет времени заниматься этой ерундой. В любой момент все может сорваться и пойти иначе. Я ведь не могу нарисовать кривую передвижений Эллисон, просто не обладаю экстрасенсорными особенностями. Пока мне везло, но, как известно, все в нашей жизни временно, а хотелось бы постоянства. Ключи, бумажник, пара капель одеколона на одежду, и я уже рвусь на встречу с ней.

Может показаться, что безумный парень с всклокоченными волосами и возбужденным взглядом вмазал дозу или нажрался до глюков. Но нет, меня таким делает только она. Я постоянно боюсь что-то пропустить, увидеть только шлейф ее платья, не добежать в момент, когда ее будут уводить из-под моего носа. Что же, это, конечно, неверное решение, но я готов стоять до последнего. Рэдс находится не так далеко от центра города, поэтому мне удастся прибыть как раз вовремя.

Слегка запыхавшись, я прохожу в помещение, освещенное бордово-красными лампами, и только бар освещен нормальным светом. Интимная обстановка благоволит найти себе пару и увести его в ближайшую гостиницу. Оглядываю свободные места, обычно там сидят мужики, высматривая свою жертву. Я один из них по причине, которую я не скрываю ни от одного из посетителей, слава Богу, они меняются с завидным постоянством. Иначе я был бы уже давно рассекречен.

Знакомая официантка усаживает меня за мой привычный столик, который успел стать моим личным за некоторую сумму. Она показывает место, где устроилась моя Элли, я заказываю стакан томатного сока и жду, когда девочки дойдут до кондиции. Периодически я встаю, когда парни подходят к ним знакомиться, но услужливый вышибала, который получает неплохие чаевые за избавления от претендующих, справляется на пять с плюсом. Может это и неправильно, но я не хочу даже думать о возможности того, что может произойти, если один из этих холеных красавцев, все-таки, завоюет ее. Ограждение от случайностей пока играет мне только на руку.

Три бывшие официантки, теперь уже чьи-то жены, и моя Эллисон начинают громче смеяться, более залиристо что ли. Я вижу, как моя конфетка покачивает ножкой в такт песне, играющей из динамиков, еще пара минут и она начнет танцевать. Организм, отравленный алкоголем, сменяется от веселого состояния до угрюмого. Постепенно ее лицо мрачнеет, в руках появляется телефон и, наконец, это сомнение. Эллисон словно омывают волны противоречий, которые захлестывают одна за другой, бушуя в океане мыслей. Она убирает телефон в сторону, но не выпускает из пальцев. Я в это время сижу в ожидании. Девочки уже заканчивают бутылку текилы, одна из них встает и проходит мимо меня, покачиваясь.

– Давай, Маккинли, звони, – едва слышно произвожу я.

Она оглядывается по сторонам, будто ищет кого-то, рукой прикрываю свое лицо и отворачиваю голову в сторону. Выдержав несколько минут, я поворачиваюсь, и меня подрывает с места. Около их столика прямо рядом с ее местом стоит мужик, охранника нигде нет. Поэтому я самостоятельно надвигаюсь на них, готовый обрушить всю свою агрессивную натуру, выхожу из своего укрытия практически полностью. Вибрация моего телефона, пока я стою за спиной мужика, заставляет меня притормозить. Смотрю на входящее сообщение:

«Доусон, я скучаю по тебе. Забери меня, я в Рэдс».

Сейчас будет то, что происходит постоянно: я вылетаю за дверь заведения, раздается рингтон, который стоит на нее. Удерживаю некоторое время, мое настроение уже ничем не испортить.

Глава 6

Эллисон

Тепло, окутывающее моё тело, разливается по венам, готовое заполнить меня практически полностью, без остатка. Ровное дыхание, жаркие объятия, словно сладкая мука для моей души. Я чувствую себя такой любимой и желанной только в одних руках, поэтому не хочу двигаться. Хочется остановить пробуждение, отпустить контроль и оставаться в этом состоянии на всю жизнь. Тело откровенно желает большего, зная, кому оно принадлежит. Но мысли, все еще сбившиеся в стайку пугливых птиц, готовы разлететься в разные стороны. Солгать себе в том, что я не знаю, с кем сейчас рядом, невозможно. Он единственный в моей жизни, кто ведет себя подобным наглым образом, признать, что это правильно, – еще сложнее. Не отодвигаюсь от него, еще сильнее обнимаю голую грудь без единого волоска, вбираю в себя его любовное тепло, получаю взамен мягкое прикосновение к спине. Он гладит так, словно я крошечный котенок, пригревшийся на его груди, от этого я готова замурлыкать. Ни один из нас не начинает разговор, чтобы не смахнуть это утреннее великолепие. Темные шторы плотно закрывают лучи солнца, в квартире пахнет его мужскими духами Shaik 77. Благородный, статусный, какой-то европейский восток, не помню, как мы нашли для него этот аромат, но он не душит. Цитрусы гармонично контрастируют с древесными нотами, от возбуждения кружится голова, стоит ему пройти рядом, а находиться в его комнате, охваченной этим ароматом, можно сойти с ума. Любимая мной мужественность и сила – все сочетается в нем. Хочется дышать им, наслаждаться и не просыпаться. Но мимолетное движение моего тела, и у меня не получается скрыть то, что я уже проснулась. Досадное обстоятельство: наступило утро и волшебство рассеялось.

– Только не кричи. – Пальцами он проводит по моей голове, убирает пряди с лица. – Как ты себя чувствуешь?

Перекаत्याюсь на спину, закрываю плотно глаза. Так не хочется сейчас вести напряженную беседу, разбираться, каким образом он вновь затащил меня в постель. Я даже не хочу думать об использовании презервативов, он мне все равно не скажет. Единственное, чем я могу руководствоваться – это своими ощущениями, Доусон очень чистоплотный и найти на полу кусок резины с содержимым невозможно. Поэтому мне надо только догадываться по небольшой боли между бедер, что мы занимались сексом.

– Ты не ищешь легких путей, – лениво произношу я и чувствую его легкий поцелуй в лоб. – Думаю, это последний раз, когда ты украл мою невинность.

Кровать трясется под его весом от неслышного смеха. Возмущенно смотрю на него, белоснежная улыбка и красивый ряд зубов, красные опухшие губы после наших поцелуев, – этот вид заставляет моё сердце сделать кульбит.

– Я ее буду красть постоянно, ты только не спейся. Конечно, рад, что все так происходит, но мне не очень нравится, что ты звонишь мне только для того, чтобы я соблазнил тебя выпившей. – Он приподнимается на локте, одеяло опускается до уровня его бедер. Восемь нереально упругих кубиков на его животе, сильный бицепс и тренированные косые мышцы, – самое завораживающее зрелище, до такой степени, что у меня текут слюни. Сглатываю противное чувство, этого просто не может быть.

– Я не звоню тебе. – Морщю нос от отвращения, еще ни разу не бегала за мужчиной. – Ты меня в этом не убедишь!

– Так это не упрек. – Он протягивает мне телефон, я нажимаю разблокировку. Он до сих пор везде ставит мою дату рождения. Не веря, я листаю сообщения от меня! Их очень, очень много! И каждый раз содержание одно и то же.

– Ты два года хранишь каждое моё сообщение? – Я все еще листаю историю. Пьянчужка, пишущая ему, явно не я. Это моё внутреннее убитое эго, растертая в порошок гордость с кислым привкусом.

– Почти пять лет, старый телефон себя изжил, и я очень переживал, что все осталось там. – Он пожимает плечами, снова ложится на спину, убирает руки за голову, при этом обнимает подушку.

– Поэтому ты ходишь с этой рухлядью? – Кладу на его живот смартфон и вытягиваюсь на кровати. – Я все задавалась вопросом, зачем тебе Айфон 5, когда ты можешь себе позволить 8.

Он молчит, и поэтому я поворачиваюсь к нему, чтобы увидеть все в его глазах.

– Я еще не готов расстаться со своими воспоминаниями. – Он закрывает глаза и тяжело сглатывает. – А по поводу использования, о котором ты наверняка подумала. Мы не всегда занимаемся сексом. Только когда ты хочешь этого. Иногда ты блюешь, а я убираю за тобой. Можешь уснуть в машине, и мне надо только раздеть тебя и уложить на кровать.

– Это так глупо. А представь, я умру раньше тебя? – я сказала, не подумав, автоматически вырвалось. – Нет, конечно, нет никаких предпосылок, но все же бывает.

Он долгое время молчит, его грудная клетка поднимается немного быстрее, чем прежде, я даже слышу грохот его мужественного сердца. Кладу свою руку на его грудь и нежно успокаиваю.

– Все мы когда-нибудь умрем. Когда дует сильный ветер, не надо ставить преграждения. Лучше играть на его стороне и установить ветряную мельницу. – Его огромные руки сгребают меня в охапку, притягивают к себе и крепко прижимают.

– Я не дам тебе умереть, буду бороться за тебя до последнего. Ты когда-нибудь видела Меверик?

– Сомневаюсь, что знаю, что это такое, – отвечаю ему и удобней устраиваюсь на его груди.

– Это гигантские волны-убийцы. Почти восемь метров высотой. Отголоски штормов в Тихом океане. Они приходят к берегам Северной Калифорнии, и серферы играют с ними в довольно опасные игры, – отвечает он, чувствую, что не очень понимаю, как это связано со мной. – Так вот люди проходят это страшное препятствие и, победив Меверик, живут дальше своей счастливой жизнью. Что это, если не борьба? Как насчет того, чтобы поехать в Северную Калифорнию? Осталось пару недель до появления волн, увидим все воочию, может, тогда ты поймешь, что я чувствую, когда борюсь с тобой и за тебя. Ты моя гигантская волна, то теплая и нежная, то холодная, хлещущая по моему лицу со страшной силой.

– Я ненавижу тебя, Доусон, – всхлипываю я. – Почему ты такой ужасно романтичный и любящий? Почему каждое слово, предложение, фраза так важны!? Все, что ты делаешь, стирает все эти препятствия и расстояние, между нами.

– Потому что я хочу быть с тобой больше жизни. – Поднимаю голову и целую его в губы. Сейчас мне так нужна его любовь, устала бороться с ветром и волнами. Я просто устала быть сильной, отталкивать и делать глупые поступки. Каким образом он разбил последние камни на нашем пути, даже не прикасаясь к ним, я не знаю. Но мне надоело быть без него, обороняться и держать эту маску отрешения до трясущихся рук. Когда мы отстраняемся друг от друга, соприкасаемся лбами.

– Хочу быть с тобой, – шепчу я.

– Никак иначе и быть не может, – отвечает Доусон.

Он встает с кровати и идет в душ. Оставляет меня для принятия решения, кажется, мы давно уже все поняли и к этому шли. Как себя чувствует женщина, которая боится принять неверное решение? Отвратительно, если учитывать, что сердце рвется навстречу к любимому человеку. Сажусь на кровати, натягиваю одеяло на свое тело, открытыми остаются только колени и край бедра. Волосы копной рассыпались по плечам, сдуваю их с лица.

Где-то в груди ноющая боль, удушение от непрощенных слез и разрушенной временем души. Сколько я еще буду сдерживать себя, отстраняясь? Я устала от этого: от себя и своих переживаний. Просто хочу убить эту волну и встретиться с ней лицом к лицу. Могут ли люди любить друг друга настолько сильно, как он меня, и я его? Повторится ли это чувство однажды с другим? Знаю точно, что нет.

Доусон выходит из ванной комнаты в одном полотенце, повязанным на бедрах. Я рассматриваю его возмужавшее тело, как в первый раз, как из костлявого мальчишки он вырос в сексуального мужчину. Мокрые черные волосы топорщатся в разные стороны мягкими волнами. Капельки воды стекают по его груди, хочу облизать его с ног до головы, как сладкую конфету, усладить им свои губы. С одной стороны, на его теле маленькие пятна, словно от осколков стекла, они тянутся маленькой тропинкой от груди к боку и заканчиваются на обеих коленях. Он протягивает обе руки ко мне, и я замечаю эти следы на ладонях. Как стигматы, отмеченные на теле святого.

Доусон подходит вплотную, становится на одно колено передо мной, из прикроватного столика достает кольцо, которое однажды принадлежало мне, и я совершенно теряюсь в этой минуте.

– Доусон. – Я замолкаю, когда он целует моё колено, затем второе, все еще держит в руках кольцо. – Я не могу сейчас ответить.

Он опрокидывает меня на спину, покрывает поцелуями лицо шею, плечи. Капельки воды стекают на меня, действуя завораживающе.

– Я могу выбить из тебя согласие, но мне хотелось бы, чтобы ты стала моей сейчас. Чтобы помолвка была обещанием исправить то, что произошло тогда. Я пообещал тебе измениться, взамен твоей принадлежности мне. – Языком он облизывает мою грудь, задерживается на соске, уверенно его прикусывает. Я выгибаю тело навстречу к нему, приподнимаю бедра в немыслимом возбуждении, достигшем максимальной амплитуды.

– Это не честно, – стону я уязвимо. Кольцо, зажатое в его руках, он медленно надевает на мой палец и закрепляет поцелуем. – Словно не было расставания, – шепчу я. – Я так люблю...

– Знаю, что любишь. Страшный сон, потеря памяти, не более, вот что было с нами, – отвечает он, его поцелуи опускаются ниже по моему телу. Ласковые прикосновения к моему плоскому животу, небольшой укус от его зубов, маленькая метка моего мужчины поднимают меня все выше, предупреждая о скором падении. Коленом раскрывает мои бедра и становится между ними. Плотно закрываю глаза и отдаюсь чувствам, ноющее желание топит мою разгоряченную кожу. Звук отрывающейся фольги, и твердое тело между ног. Его проникновение медленное и томное, способное разрушить меня и собрать снова, как обещание, клятва. Каждый толчок, укус ореолы соска, мягкое поглаживание и поцелуй – все это воедино толкает меня к нему. Я приподнимаю бедра, погружаю его глубже в себя, отвечаю стонами и вскриками, достигнув своего апогея, обхватываю его за плечи и приподнимаюсь. Отдаю ему свою страсть и любовь, оргазменным поцелуем, воспламенившим моё тело, позволяю захватить меня в плен и сдаться этой мужской силе. Доусон кончает вместе со мной и жадно ловит моё дыхание, не переставая целовать мои губы. Тела трясет в унисон, воздух в комнате становится заполненным сексом и нашими флюидами. Тяжелое дыхание, и мой последний стон полностью расслабленного тела составляют последнюю нотную композицию виртуозного музыканта, играющего на моем теле.

Доусон ложится на спину, обнимает меня, заставляет лечь ему на грудь. Его подбородок дрожит после бурного оргазма, сердце глухо и быстро разбивает грудную клетку, пока я слушаю мелодию души. Замечаю свое скромное кольцо с бриллиантом на левой руке, меня снова обхватывает жар. Доусон будто чувствует, что я рассматриваю его, обхватывает пальцы и снова тянет к своим губам.

– Я не позволю тебе снять его, – негромко говорит он. – Больше не переживу расстояния.

Сказать, что я рада, что он взял все в свои руки, означает полную капитуляцию. И я еще не успела до конца осознать, что же будет дальше. Одно дело, лежать в этой комнате, как в своем маленьком мире, огражденном от других людей. Наблюдать за его дыханием, красивыми руками. Заниматься всем, чем угодно, но не сталкиваться с реальностью. Сейчас моё тело все еще объято его пламенем, думать об остальном я не хочу.

– Оно мое, для чего мне хотеть его снимать? – хитро отвечаю я. – Не вижу твоего, или ты забыл, что я не переносу шовинистических действий.

Он привстает с кровати, чтобы устроиться надо мной.

– Для этого надо пройти обряд венчания, и больше никакого Вегаса. Не доверяю я этим лживым актерам. Их бумажка, как картонная коробка из-под бананов, ничего не значит. – Я снова обращаю внимание на кожные пятна и прослеживаю дорожку пальцами.

– Что это? – Аккуратно нажимаю, от чего он шипит. – Больно?

Я вижу его смятение, то, о чем он не хочет говорить, но в нашем случае не получится врать. Это основное правило, которым мы заручились уже давно. Он упрямо молчит, тогда я нажимаю на каждую крапинку на его теле, вызывая его рокот.

– Перестань. – Он встает и начинает собирать свои разбросанные вещи по комнате. Абсолютно не стесняюсь своей наготы, сажусь на кровати. Упершись в него требовательным взглядом, я жду, когда он расскажет все, что произошло.

– Я не хочу позориться перед тобой. «Ты психанешь», – глухо говорит он и натягивает трусы, потом джинсы. – И тогда снова собирать эти песчаные замки. Пусть все останется, как есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.